

ЮЛИАННА ВИНСЕНТ

Академия Дэмфлинг
НЕПОКОРНАЯ
для наследного
ПРИНЦА

Юлианна Винсент

Непокорная для наследного принца. Академия Дэмфилд

<https://litres.ru/74052721>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дочь дракона и ведьмы — идеальная мишень для тех, кто рвется к власти.

Мой отец готов сжечь мир, чтобы защитить меня, но его злейший враг — моя первая любовь, а теперь холодное оружие Короны.

Для него приказы — закон, а я — бунтарка, что не признает правил.

Когда тайные кланы магов начинают охоту за моей кровью, только он знает, как бороться с ними.

Но наше прошлое — пепел, а настоящее — поле битвы.

Он может меня спасти, но сможем ли мы сохранить то, что когда-то связывало наши сердца, или этот союз обернется гибелью для нас обоих?

В книге будет:

одна непокорная девчонка;

один вреднюка-закарюка наследный принц;

хитрая парочка саркастичных драконов с общим секретом;

мама и папа, которых мы очень любим;
злые негодяи, которые получают по заслугам
ХЭ вопреки всему

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	60
Глава 11	65
Глава 12	73
Глава 13	78
Глава 14	85
Глава 15	92
Г	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Юлианна Винсент

Непокорная для

наследного принца.

Академия Дэмфилд

Глава 1

Тьерра

— Папа, чем старше ты становишься, тем медленнее твои реакции! — ехидно хохотнула я, в очередной раз так ловко замахнувшись мечом, что отец едва успел уклониться. — Того и гляди уснешь прямо во время боя!

Лезвие просвистело в миллиметре от его уха.

— Знаешь что, юная леди! — возмутился генерал Харташ, мой дорогой, но местами жутко раздражающий папа, который с пеленок муштровал меня и всех остальных отпрысков нашей большой и неугомонной семьи, обучая всем видам боевых искусств и аргументируя это тем, что наша необычная сила несет в себе огромную мощь и такую же ответственность, а значит, мы должны уметь себя защитить. — Я бы попросил без оскорблений! У тебя вообще-то выпуск-

ные экзамены на носу! И, между прочим, это не я изъявил желание закончить академию экстерном, чтобы, видите ли, поскорее выбраться из этого "унылого болота"!

— Пап, ну я не виновата, что там скучно-о-о! — протянула я с притворным нытьем, изящно увернувшись от его выпада.

Меч отца сверкнул в утреннем солнце, как змея, но я была быстрее.

— Матери даже не заикайся об этом, — пригрозил он, покачивая мечом. — А то она в мгновение ока организует тебе такую "развлекательную программу", что мало не покажется. И мне заодно, чтоб я не расслаблялся!

Я заливисто расхохоталась и перешла в яростную атаку. Наши мечи сплелись в огненном танце, лязгая и искрясь. Отец был достойным противником, это да! Совсем не то что эти зелёные сопляки в академии, которых и на половину первого раунда не хватало, чтобы устоять против меня. Я двигалась легко и стремительно, словно ветер, нанося удар за ударом, заставляя отца отступать. Он парировал умело, но я чувствовала, что он специально поддается мне.

Я, Агутьерра Фредерика Харташ, — дочь ведьмы и дракона. И всем этим девчачьим штучкам, вроде вышивания крестиком и плетения косичек, я всегда предпочитала боевые искусства.

С самого раннего детства мама — единственная, на весь Дрэдфилд, ведьма, пыталась внушить мне, что девочка, в

первую очередь, должна быть легкой и воздушной, а уже потом, в случае крайней необходимости, доставать из-под плаща меч или арбалет.

“Но как, скажите на милость, я должна быть воздушной и эфемерной, если, несмотря на то, что я дочь дракона, драконица во мне к двадцати годам так и не проснулась?!” — возмущалась я про себя.

Всё, что мне оставалось — это оттачивать мастерство владения мечом. Ну и потом, если бы один очень вредный мужчина — мой любимый отец — не сослал любовь всей моей жизни в дальние дали, по каким-то надуманным идиотским причинам, возможно, шансов на то, чтобы стать нежной и воздушной у меня было бы гораздо больше. А так... я считаю, что сами виноваты!

После тренировки, я, вся мокрая и разгоряченная, побегала в свою комнату, проверить почту. Много лет назад, прежде, чем уехать по очень важному и секретному заданию отца, Кристиан подарил мне зачарованную шкатулку.

— Я буду присылать тебе через нее письма по возможности, — пообещал тогда уже взрослый мужчина и скрылся за дверью, оставив маленькую меня со шкатулкой в руках и надеждой в сердце, что когда он вернется, я уже вырасту и мы обязательно будем вместе.

“Последнее я сама себе придумала, он мне такого, конечно же, не обещал!”

В последнее время письма от него приходили все реже и

реже и я лезла проверять шкатулку при каждой свободной минутке.

Закрывшись в комнате, я наскоро приняла душ и переделась. Чуть отодвинула кровать, там, под старым дубовым полом, в тайнике, меня ждала (я очень надеялась, что она меня там ждала) самая ценная вещь на свете — письмо от Кристиана. Моего Кристиана.

Кстати, он единственный верил в то, что я обязательно обрету свою драконицу.

Я вытащила заветную шкатулку. Дерево пахло пылью и воспоминаниями — запахом нашего с Кристианом тайного мира. Пальцы дрожали, когда я открывала замок. Сердце забилось сумасшедшим ритмом, готовое вырваться из груди. Его письма... Они были как глоток свежего воздуха в этой проклятой академии, как лучик солнца, пробивающийся сквозь серые тучи правил и ограничений.

Развернув пергамент, я замерла. Строки плясали перед глазами, но смысл проникал в сознание с чудовищной ясностью, словно ледяная игла вонзилась прямо в сердце.

"Дорогая Тьерра... Это письмо я пишу по просьбе Кристиана. Прошу простить, что приходится сообщать об этом так... Кристиан погиб. Пал, защищая своих солдат от вражеской засады. Прими мои искренние соболезнования. Сержант Элиас."

Мир вокруг перевернулся. Воздух перестал поступать в легкие. Все звуки исчезли, осталась лишь звенящая тишина,

обрушившаяся на меня со всей своей тяжестью. Кристиан... Мой Кристиан... Мертв? Это не может быть правдой! Это какой-то кошмарный сон! Нелепая, жестокая ошибка!

— Он... Он обещал мне вернуться живым! — прорычала я сквозь зубы, сжимая письмо до хруста костей. — Он обещал... Мне!

Я сорвалась с места, как раненый зверь, вылетела из комнаты, прочь из этого дома, прочь от этих стен, которые вдруг стали давить на меня со всей своей тяжестью. Я бежала, не разбирая дороги, слезы застилали глаза, а в голове пульсировало лишь одно:

"Не может быть... Не может быть..."

И вот я в Лесу Отчаяния, в самой его глуши, где, казалось, даже деревья скорбно склонили свои ветви в молчаливой поддержке. Упав на колени, я закричала. Это был крик боли, крик отчаяния, крик, вырвавшийся из самой глубины моей души.

И тогда магия, дремавшая во мне годами, проснулась и вырвалась на свободу. Земля задрожала под моими коленями, деревья закачались, словно в бурю, а небо над головой потемнело, словно наступила ночь. Вокруг меня вспыхнули багряные искры, воздух наполнился запахом озона и серы, и я почувствовала, как меня охватывает всепоглощающее пламя.

И вдруг... Из этого хаоса, из этого сгустка красной энергии, возникла она. Маленькая, неуклюжая, но такой трогатель-

тельная! Она была размером с котенка, с огромными глазами, в которых отражалась вся глубина этого мира, и крошечными, еще не окрепшими крыльями.

Она посмотрела на меня с любопытством и неуверенно шагнула вперед, споткнулась и смешно плюхнулась на землю. А потом, подняв мордочку, нежно ткнулась холодным носом в мою ладонь и я почувствовала, как внутри меня, словно кровь по венам, растекается какая-то новая, незнакомая мне ранее, сила.

— Так вот ты какая... моя драконица, — прошептала я сквозь слезы, с изумлением глядя на это маленькое чудо, вырвавшееся из моей боли и поглаживая его по чешуйчатой спинке, озвучила имя, пришедшее мне в голову само собой. — Эория.

Малышка кивнула, соглашаясь, а после забралась мне на руки и уже серьезно глядя мне в глаза, недовольно произнесла:

— Теперь они нас точно найдут!

Глава 2

Кристиан

Я шел не разбирая дороги. Долго. В походной фляжке оставалась пара капель воды и я понимал, что когда они закончатся — закончусь и я.

“Не хотелось бы, конечно!”

Глаза горели песком. Горло пересохло так, словно в нем поселилась пустыня. Боль... Боль пульсировала в каждом мускуле, в каждой косточке, напоминая о взрыве, о портале, который проглотил меня, а после выплюнул в это проклятое место.

"Эмоциональная Пустошь" — территория, свободная от магии. Первое о чем рассказывают при поступлении на службу в Отряд Теней. Место, где чувства умирают, а выживание становится единственной целью.

Я с трудом поднялся. Нога ныла, но нужно было двигаться. Вокруг простиралась бескрайняя, выжженная солнцем равнина. Ни деревца, ни травинки, только камни и песок. И тишина. Звонящая, мертвая тишина, которая давила на мозг сильнее любой пытки.

Несколько дней, а может и недель, я брел по этой пустыне, борясь с жаждой, голодом и отчаянием. Рана на боку начала гноиться, но я не мог ничего с этим сделать. Последняя

капля воды давно испарилась. Силы покидали меня с каждой минутой.

Вдруг, впереди мелькнул темный провал.

“Предсмертный утешительный мираж?” — подумал я про себя, но все-таки заставил себя подобраться поближе.

Пещера! Укрытие от палящего солнца, возможно, даже источник воды.

Дохрамывая до входа, я замер. В пещере пахло сыростью и... чем-то еще. Прислушавшись, я услышал слабое, хриплое дыхание.

С трудом волоча ноги, я вошел внутрь. Чем дальше я продвигался, тем отчетливее становился запах и хрипы. И вот, в глубине пещеры, я увидел его.

Огромный, лазурный дракон лежал на земле, скованный толстыми цепями. Его чешуя, некогда блестящая и яркая, теперь была тусклой и покрытой пылью.

Глаза дракона были закрыты, но, услышав мои шаги, он приоткрыл их. Во взгляде не было злобы или агрессии, только удивление.

— Кто ты? — прохрипел дракон.

Голос был слаб, но в нем ощущалась былая мощь.

— Кристиан, — ответил я, с трудом выдавливая из себя слова.

Дракон слабо кивнул, и его веки снова опустились.

— Благо-ро-о-одный, — прохрипел дракон. — Проваливай! Здесь нет ничего для тебя, кроме смерти.

— Может, и так, — горько ответил я, — но идти мне куда-да. Да, и не уйду я далеко.

Дракон приоткрыл один глаз, а я снял изодранный камзол и показал на вновь открывшуюся рану в боку. Кровь сочилась медленно, но верно, окрашивая дно пещеры багровым.

— Мне все равно, здесь я умру, или в паре шагов отсюда, — обессиленно прислонившись к стенке пещеры, сказал я. — Так что придется тебе меня потерпеть.

— Ты умрешь, а мне потом с твоим разлагающимся трупом тут куковать? — возмущенно спросил дракон. — Ну уж нет, я на такое не подписывался!

— А сидеть в пещере на цепях подписывался? — уточнил я.

— Хамишь, парниша! — дракон поднялся со своего насиженного места и медленно двинулся в мою сторону. — Я ведь тебя и сожрать могу!

Подойдя ко мне почти вплотную, животное обдало меня горячим дыханием, а потом жадно втянуло воздух огромными ноздрями. Его глаза широко раскрылись, а зрачки вытянулись в тонкую вертикальную линию.

— У тебя. Есть. Сладкое, — делая паузу после каждого слова, сказал дракон, активно принюхиваясь.

— У меня ничего нет, — отрицательно покачав головой, грустно ответил я. — Если бы было, я бы сейчас не умирал с голода.

— А я тебе говорю, что есть! — тыкая мордой мне в ногу,

настаивал ящер.

Я с трудом наклонился и опустил руку в боковой карман брюк. Их специально делали объемными, чтобы внутрь влезало большое количество боеприпасов. Пошарив там почти онемевшими пальцами, я нашел ... конфетку.

Достал ее и глаза дракона вспыхнули ярко-голубым светом. Логичнее было бы съесть ее самому, но она вряд бы мне помогла сейчас, поэтому развернув из обертки, я протянул ее дракону.

— Что хочешь взамен? — подозрительно прищурившись, спросил ящер.

— Ничего, — пожал плечами я. — Мне она не поможет, а тебе может радость принесет.

— Еще ка-ак! — скаля зубастую пасть, протянул дракон, а после аккуратно забрал конфету с моей ладошки шершавым языком и с наслаждением причмокивая, съел ее.

Я опустился на пол, прислонившись спиной к холодной неровной стене, потому что сил стоять уже не было и закрыл глаза.

— Эй, благородный, — окликнул меня дракон. — Мы же договорились, что помирать в пещере ты не будешь.

Но я его почти не слышал. Я чувствовал, что силы оставляют меня, но ничего с этим поделать уже не мог. Сознание покидало меня.

И уже почти попрощавшись с жизнью, я почувствовал, словно тонкий ручеек тепла коснулся моей раны, обжигая и

одновременно исцеляя. Боль немного отступила, и я ощутил, как сознание возвращается, кости срастаются, а плоть стягивается. Слабый, едва осязаемый прилив сил прошел по телу.

— Фух, успел! — услышал я хриплый голос над головой и приоткрыл все еще тяжелые веки. — Я из-за тебя конфеткой даже насладиться не смог.

— Ну, пардоньте, — едва шевеля губами ответил я. — Я не просил меня спасти.

— Благодарный, но неблагодарный, — проворчал дракон, возвращаясь на свое насиженное место.

— Спасибо, — проговорил я, стряхивая с себя полуобморочное состояние.

— Должен будешь, — наигранно безразлично, отозвался ящер.

Дни сменяли ночи, а мы с драконом делили пещеру на двоих. Он оказался славным, но ворчливым малым. Постепенно мы привыкли друг к другу и наше общение уже не обходилось без взаимных подколов и шуточек.

Ящер рассказал мне, что зовут его Веридор и что в пещеру он был обманом (драконы же такие доверчивые и ранимые существа) заманен и заточен одним злобным колдуном, который хотел его, Веридора, подчинить и сделать своей курицей на побегушках.

Но он, Веридор, вообще-то не пальцем деланный и подчиняться отказался. Колдун обиделся и посадил его на цепь, которую сам он разрушить не может не смотря на свою многовековую силушку.

История, честно говоря, казалась мутной, но на безрыбье, знаете ли...

Я собирал скудные, но съедобные коренья неподалеку, деля их с ящером. Дракон, в свою очередь, делился со мной своей тепловой энергией, согревая в леденящие ночи, когда Пустошь словно пыталась высосать последние остатки жизни.

Меня не покидало ощущение, что дракон что-то от меня скрывает, но других вариантов у меня не было, поэтому я решил, что надо найти способ его освободить, потому что без него мне было не выбраться из Пустоши.

Камень, что я нашел, чтобы попробовать разбить цепи, был далек от кузнечного молота, но настойчивость творит чудеса. А я был настойчивым, даже настырным, если верить словам генерала Харташа. Одна за другой, цепи поддавались, пока последняя не рухнула на пол пещеры с глухим звоном. И это было еще одним странным моментом, который я обязательно выясню, если мы все-таки выберемся из этого Сенсеей забытого места.

Веридор радостно вздохнул, расправляя свои огромные крылья.

— Ну, наконец-то! Как долго я ждал этого момента!

А потом его вертикальные зрачки заострились, он весь нахохлился и я услышал глубокий утробный рык.

— Что случилось? — настороженно спросил я.

— Штука одна волшебная, потом расскажу, — прорычал дракон, подходя ко мне и подставляя спину. — Прыгай, парниша! Нам нужно торопиться!

Глава 3

Тьерра

Со вчерашнего вечера я находилась в прострации.

“А сегодня день выпускного экзамена, вообще-то! — недовольно напомнил внутренний голос. — И дернул меня дрыш прочитать то письмо именно вчера? Не могла два дня подождать?”

Смесь боли, грусти, раздражения и злости мешала рационально мыслить. Но я попыталась собрать себя в кучу.

По старой, глупой традиции, выпускной экзамен у боевых магов проходил в имитации Леса Отчаяния. Мама рассказывала, что эту "забаву" придумал папа, чтобы усложнить жизнь ее студентам, одним из которых был мой... Кристиан. И тогда они справились лучше всех, словно бросив вызов всему миру, чем неимоверно разозлили отца.

Сегодня я тоже собиралась быть лучшей. Не для того, чтобы позлить папу, нет. А для того, чтобы доказать самой себе, что я не просто дочка сильных родителей. Я — ведьма, которая смогла создать себе дракона.

“Даже не смотря на то что об этом еще пока никто не знает!”

Ну и потом, долгие страдания — не моя история. Этим я пошла в маму. Всю боль она прячет за сарказмом и едкими

высказываниями.

Кстати о маме.

— Тьерра, ты уже собралась? — после короткого стука, мама заглянула ко мне в комнату.

Ее взгляд был полон беспокойства, но я постаралась улыбнуться ей в ответ.

Хвала Сенсее, я успела магией спрятать следы ночных рыданий на лице! Уж чем-чем, а бытовой магией я владела в совершенстве. Маскировать боль – это, к сожалению, тоже стало навыком.

— Да, мам, — коротко ответила я. — Я уже готова.

— Ты же помнишь о том, что исход экзамена может быть любым? — кладя руки мне на плечи и заглядывая в глаза, словно пытаюсь прочесть мою душу, спросила мама.

В ее голосе звучали поддержка и принятие.

Я кивнула, не особо желая вступать в диалог и ворошить еще открытую душевную рану. Мы вместе отправились на экзамен, и каждый шаг отдавался гулким эхом в моей груди.

Рию я взяла с собой, укрыв ее магией невидимости. Она сидела у меня на плече, маленькая и теплая, и с любопытством изучала окружающий мир. Она была моей тайной, моей силой, моим якорем.

Большинство студентов сдавали выпускные экзамены группами, но для таких выскочек, как я, по настоянию все того же моего папулечки, организовали индивидуальную программу. Нас – одиночек – собрали у главной башни ака-

демии и повели к первому этапу испытаний. Было нас немного, всего десять человек. Но во взгляде каждого читалась непоколебимая решимость выйти с испытаний с высшим баллом. Я не была исключением.

Перед входом на экзаменационную площадку, меня остановил отец.

— Малышка, — сказал он, крепко обнимая меня за плечи. — У тебя все получится! Чтобы ни случилось, помни...

— Папа рядом! — продолжила я с отцом в голос.

Он тепло улыбнулся мне, поцеловал меня в макушку и пошел на смотровую площадку, где уже собралась вся наша огромная семья. Я обернулась, Лилит и Рина активно помахали мне и послали воздушные поцелуи, дядя Дэм и дядя Ксавьер подняли сжатые кулаки вверх, показывая, что уверены в моих силах, мелкие просто галдели, наперебой выкрикивая мое имя и только София молча показала наш тайный знак из языка жестов, обозначающий “Я всегда с тобой”.

Смахнув непрошенные слезы и подойдя к трибуне, за которой сидела экзаменационная комиссия, я обратила внимание, что одно кресло пустовало. Обычно, там сидел приглашенный эксперт для того, чтобы преподаватели, которые принимали экзамен, были максимально объективны и не предвзяты.

Поверить в то, что его сегодня не будет – было трудно. Тупые кривороги из министерства, желающие прибрать академию в свои руки, ни за что бы не пропустили день, когда

экзамен будет сдавать дочка главнокомандующего Обители Вдохновения. А это значило, что “независимый” эксперт еще обязательно явится. Вопрос только, когда и насколько он будет независим — оставался открытым.

Ехидно хмыкнув своим мыслям, я отвернулась от трибуны и стала разминаться, стараясь сосредоточиться на предстоящем испытании. Но подвернутая нога предательски ныла, напоминая о вчерашнем падении в пропасть отчаяния.

И тут за спиной раздался скрипучий, хорошо знакомый, словно из глубин прошлого вырвавшийся, голос преподавателя по ментальным защитам.

— Дорогие выпускники, я рад вам представить председателя нашей экзаменационной комиссии, независимого эксперта, человека, который когда-то сам проходил подобное испытание... — он сделал театральную паузу, нагнетая и без того кипящее напряжение. — ...наследного принца Кристиана Брэйва.

Время остановилось. Мир вокруг замер. Сердце пропустило удар, а потом бешено заколотилось, словно птица, попавшая в клетку. Я резко развернулась, не веря своим ушам и глазам.

На трибуне, в кресле, которое только что пустовало, сидел... он. Живой. Настоящий. Кристиан.

— Какого дрыша?

Глава 4

Тьерра

Нет, не то чтобы я была ему не рада, но в душе возникло сомнение, которое не хотело проходить.

Сидящий на трибуне Кристиан был, естественно, старше того, которого я помнила.

“Тьерра, пятнадцать лет прошло, — напомнил внутренний голос. — Конечно, он состарился!”

Мужчина медленно прошелся взглядом по каждому участнику экзаменационного испытания и даже на долю секунды не задержался на мне.

Сердце тут же кольнуло обидой.

“Он видел тебя последний раз, когда тебе было пять, — голос разума сегодня решил быть очень активным. — Логично, что он мог тебя не узнать!”

После того, как первая волна аплодисментов, приветствующих наследного принца стихла, преподаватель по ментальным защитам, профессор Каэль Рин, невысокий, чуть полноватый мужчина с забавными кучерявыми волосами, торчащими в разные стороны, продолжил:

— Господин Брейв, студенты ждут ваше напутственное слово.

— Постарайтесь не сдохнуть! — выдал Крис и замер,

оглядывая толпу и наслаждаясь полученным шоком.

“Тебе там на твоей службе совсем мозги отшибло?” — возмущенно глядя на него, подумала я.

В толпе кто-то хмыкнул, кто-то хихикнул, кто-то крайне удивился. Я обернулась на трибуны и заметила пристальный взгляд отца, которым он прожигал Кристиана. Ничего хорошего от этого взгляда ждать не приходилось, оставалось только надеяться, что отец не пойдет на открытую конфронтацию.

Профессор Рин прокашлялся, выйдя из шока и сказал:

— Благодарю вас, Ваше Высочество за лаконичность! — и обратившись к нам, продолжил: — Господа выпускники, прошу, проследуйте на начало испытаний!

— Я бы хотел кое-что уточнить, — подал голос Кристиан, когда мы уже почти собрались двигаться в сторону леса.

Все остановились и выжидательно посмотрели на наследного принца.

— Я тут ознакомился с документами и выяснил, что выпускной экзамен сегодня сдают те, кто решил покинуть стены этого унылого заведения не дожидаясь пятого курса, — он внимательно посмотрел каждому из десяти участников в глаза и когда очередь дошла до меня, я гордо выдержала его задумчивый взгляд, но внутри меня всю передернуло.

— Сейчас по-любому какую-то гадость придумает, — отозвалась Рия на моем плече.

— И никого старше третьего курса здесь нет, правильно?

— снова осматривая нас, спросил Брэйв.

Толпа студентов дружно закивала, а я продолжала внимательно изучать лицо Кристиана, потому что меня не оставляло ощущение того, что что-то нетак.

Что именно я понять не могла, но с каждым его действием желание треснуть ему разгоралось все сильнее.

— Это все, что я хотел уточнить, — резко оборвав наше ожидание, сказал принц и сел на свое место.

Профессор Рин посмотрел на Криса с явным сомнением во взгляде, кашлянул и обратившись к студентам, добавил:

— Прошу вас, господа студенты, проследовать на старт!

Я шла замыкающей эту процессию отчаянных выскочек и это дало мне возможность еще раз взглянуть на Кристиана.

Он сидел в кресле председателя экзаменационной комиссии расслабленно. Я бы даже сказала, вальяжно. Как человек, считающий себя хозяином положения.

Но не смотря на внешнее безразличие, я обратила внимание, как он едва заметно шевелит пальцами и от них исходит легкое свечение.

— Вот же подонок! — выругалась Эория.

— Что он делает? — тихо спросила я, хотя догадывалась.

— Наводит заклинание на лес, — пояснила Рия. — Не думаешь же ты, что он просто так спросил про курс студентов?

— Чего мне опасаться? — уточнила я, понимая, что это сильно может усложнить мне задачу.

— Боюсь, что всего, — покачала головой драконица, и

кивнула в сторону сгущающихся над имитацией Леса Отчаяния туч.

Я сделала глубокий тяжелый вздох. Отступить было поздно, да и не в моих это было правилах.

Решив для себя, что обязательно при случае поправлю наследному принцу, явно жмущую ему на мозг, корону, я переступила границу и оказалась отрезана от реального мира магическим куполом.

Имитация, конечно делала вид, что это не настоящий Лес Отчаяния, но не давала стопроцентной гарантии безопасности. Единственное на что могли рассчитывать студенты во время экзамена там, что если кого-то начнут активно жрать, то преподаватели вмешаются и не дадут случиться непоправимому.

Во всем остальном нужно было полагаться только на себя и на свои силы.

Я иногда гуляла по настоящему лесу, но только под чутким присмотром волка Ксантоса, который являлся хранителем этой неизведанной территории и далеко в чащу никогда не заходила.

Сейчас же Санта рядом не было и складывалось такое ощущение, что нас забросили в самую глубь, чтобы мы сразу же отказались от затеи заканчивать академию экстерном. И тогда можно было бы разойтись и пойти пить чай.

Но судя по удаляющимся спинам моих сегодняшних товарищей по отчаянию, никто сдаваться не собирался.

Суть испытания заключалась в том, чтобы выбраться из леса с противоположной стороны с наименьшими потерями для себя.

Чисто технически, мне вообще мог никто не попасться на встречу и я бы просто прошла до финиша без сложностей, но надеяться на подобный исход событий — не приходилось.

За первым же, более менее широким деревом я увидела одиноко лежащую девушку и сверкающие пятки парня, к которому она умоляюще тянула руки.

Я подбежала ближе, девушка корчилась от боли и звала на помощь, но никаких внешних повреждений на ней не было.

— Что с ней такое? — спросила меня Рия.

— Сейчас узнаем, — ответила я и присела на колени рядом с ней.

Положила руки на ее голову и меня словно пронзило током. На ее сознание была наведена довольно сложная иллюзия, в которой она стояла на коленях, но не на земле. На шипах. Они впивались в ее ноги до крови. Она испытывала эту фантомную боль и не могла ничего с этим поделать.

— Колени, — проговорила я вслух, не разрывая контакта с девушкой. — Гордыня.

— Как это связано? — не поняла Эория.

— Лес вскрывает все, что мы не хотим в себе признавать, — объяснила я, отсоединяясь от девушки. — У нее — это высокомерие и заносчивость. Слишком гордая, чтобы попросить помощи. Слишком стойкая, чтобы разрешить се-

бе упасть на колени. Вот лес ее и наградил иллюзией. Еще пара минут и она сойдет с ума от боли и от осознания собственной ничтожности.

— Ну и брось ее, — фыркнула драконица. — Надо было вовремя учиться помощи просить.

Я посмотрела на Эорию с укором во взгляде.

— Что-о-о? — недовольно протянула Рия. — Экзамен сам себя не сдаст вообще-то.

Я отрицательно покачала головой и наклонилась обратно к страдающей:

— Эй, подруга, ты меня слышишь? — спросила я, поднимая ей веки пальцами.

— Не подруга она тебе вовсе, — фыркнула Эория у меня на плече, сложила передние лапки и отвернулась, надув губки.

Девушка не отзывалась на мой зов, а ее зрачки уже очень плохо реагировали на свет.

— Да, твою мать! — выругалась я. — Давай еще умри мне здесь!

Я схватила девушку за голову и призвав свои ведьминские силы постаралась ослабить влияние иллюзии на ее сознание. Сначала получалось не очень, потому что после эмоционального всплеска вчера в лесу, я сама была не самым стабильным существом в округе. Но потом, когда желание спасти чужую жизнь пересилило волнение, у меня получилось и я, увидев осознанность в ее глазах, немного подпитала ее энер-

гией.

Убедившись, что с девушкой все будет более менее в порядке, я отправилась дальше.

Стоит ли говорить о том, что это были лишь цветочки, а дальше меня ждали ягодки в виде остальных смертных грехов. И ни в одном из случаев я не могла пройти мимо и бросить человека. Хотя Эория очень на этом настаивала.

Беда была в том, что им то я помогала, а вот саму меня накрывало с каждым шагом все сильнее. И себе в здесь и сейчас я помочь не могла.

Поэтому, когда почти у финиша на меня напали двое парней обуреваемыми гневом, дралась я с ними не на жизнь, а на смерть. Свою. Очень хотелось.

Сдаться. Все бросить. Все равно мой Крис — мертв. А тот, которого я увидела сегодня — не мой. Чужой.

Волна отчаяния подступала к горлу. Хотелось выть. Из последних сил я отражала атаку уже одного гневного парня. Первого я вырubiла пару минут назад.

Папа учил не сдаваться. Никогда.

Рассказывал, что однажды, когда они с мамой еще не были женаты и она убежала от него в Лес Отчаяния, а он ее искал, ему тоже очень хотелось выть от нахлынувших чувств, но если бы он тогда сдался, у него бы не было мамы и меня, и мальчишек. А жизнь без нас ему не нужна.

— Папа не сдался! И я не сдамся! — прорычала я, собрав всю силу в руки и толкнув нападающего в грудь.

Он отлетел на добрые пять метров, ни во что не врезался, но встать уже не смог.

— А я тебе говорила, — вклинилась Рия. — Какого дрыша ты вообще полезла их спасать? Это экзамен, в котором каждый сам за себя.

— Не могу я бросить человека в беде, — еле ворочая языком, ответила я и ковыляя побрела в сторону финиша.

— Альтруизм не вознаграждается, — назидательно заметила Эория. — Поверь моему опыту.

— Какому опыту? — возмутилась я, подходя к выходу с экзамена. — Ты же...

Договорить мне не дал сигнал об окончании испытания и бурные аплодисменты групп поддержки, которые собрались на трибунах.

Я облегченно выдохнула и выйдя, почти упала в руки отца, который стоял и ждал меня с явной тревогой в глазах.

— Все хорошо, — попыталась улыбнуться я, но правая скула ныла от боли.

Он хотел что-то сказать, но новый сигнал призвал нас обратить внимание на трибуну с экзаменационной комиссией, где уже наследный принц готовился объявить результаты экзамена.

— Ой, какие вы молодцы! — радостно всплеснув руками, проговорил Крис. — Все выполнили мое напутствие и никто не сдох. Ура!

Он захлопал в ладоши, показывая пример остальным и

трибуны вновь разразились овациями.

— Клоун! — процедил сквозь зубы отец, а я хмыкнула.

— Но к сожалению, испытание прошли не все. И на второй год остается, — Брэйв скорчил грустное лицо и сделал театральную паузу. — Тьерра Харташ.

Глава 5

Тьерра

Шок, перебивающий боль, пронзил мой мозг.

— Что? — возмущенно произнесла я вслух. — Почему?

Взгляд Кристиана переместился на меня и заострился.

— Потому что ты нарушила одно очень важное правило,

— пояснил он, а его голос сочился насмешливостью.

— Какое? — не поняла я, пытаюсь прокрутить в голосе прошедшие события и вспомнить, что и где я там нарушила.

— Заигралась в хорошую девочку и причинила добро там, где этого делать было не нужно, — пояснил Крис, спускаясь с трибуны вниз.

Его голос был усилен с помощью магии, поэтому все, кто находился здесь, его слышали. У меня же каждое его слово отдавалось в мозгу тяжелым набатом.

— Я тебе говорила, бросить их всех, — Эория, сидящая на моем плече, не помогала.

— То есть по-вашему мнению, господин наследный принц, — произнесла я громко. — Я должна была бросить товарищей в беде?

К этому моменту Кристиан уже спустился и поравнялся со мной.

— По-моему, конечно же, экспертному мнению, госпожа

Харташ, — он сделал особый акцент на моей фамилии. — Ваше место на кафедре целительского дела. Гулять в коротеньком халатике по лазарету и своим видом возвращать к жизни тех, кто уже отчаялся. Поверьте, нам в прифронтовом лазарете такие кадры очень нужны.

— Никогда бы не подумал, что ты, Брэйв, настолько мстительная тварь! — процедил сквозь зубы отец, выходя чуть вперед и вставая между мной и Кристианом.

Принц расплылся в довольной ухмылке, а я кожей чувствовала, как папа начинает накаляться.

— Пап, пойдем, — неожиданно для самой себя, сказала я, придерживая отца за рукав. Внутри меня самой сейчас бушевал ураган из желания растерзать Брэйва на тысячу наследных принцев. — Оно того не стоит.

— Девчонка дело говорит, — поддакнул Кристиан, у которого видимо абсолютно атрофировался инстинкт самосохранения.

— Все-таки мало тебя отец в детстве порол, — разворачиваясь ко мне, заметил Главнокомандующий Обители Вдохновения. — Ты права, милая! Идем!

— Вообще, не порол, — хихикнув, крикнул нам вслед принц.

— Оно и видно! — фыркнул отец, уводя меня с испытаний, потому что последнее слово всегда должно быть за ним.

Вечером в нашей гостиной разразилось бурное обсужде-

ние того, какой Крис подлец и как он мог так поступить.

Мягкий свет торшера отбрасывал причудливые тени на стены нашей гостиной. Комната, обычно наполненная смехом и солнечным светом, сейчас дышала напряжением.

Удивительно было то, что разорялась в основном мужская половина нашего большого семейства, а женская сидела молча и анализировала факты, а самое главное — не лезла под горячую руку.

— Он же еще не уехал? — вдруг задал вопрос дядя Вьер, словно пружина, ерзая на краю дивана и метая молнии из глаз.

— Не знаю, — отмахнулся отец. Обычно невозмутимый, он нервно расхаживал взад и вперед по персидскому ковру, сжимая и разжимая кулаки. — Возможно, компостирует мозг Эйдану где-нибудь в ректорской. А что?

— Предлагаю, поймать его на выезде из академии, — озвучил свою гениальную идею глава тайной канцелярии короля Ксавьер Моро. — Дэм будет его держать, а ты — бить.

— А ты? — недовольно подняв бровь, спросил дядя Дэмиан. Здоровяк с добрым сердцем, он сидел в глубоком кресле, нахмурившись и сжимая в руке бокал так сильно, что казалось, стекло вот-вот треснет. — Что будешь делать ты?

— На стреме стоять, конечно же, — радостно обозначил дядя Вьер. — Нас не должны увидеть. Представляете, какой это будет позор, если нас поймают? Главнокомандующий Обители Вдохновения, Главный лекарь королевства и глава

тайной канцелярии поймали в темном переулке и отмутили наследного принца.

Перспектива вырисовывалась не радужная, но мое воображение быстро нарисовало эту картину на главных заголовках всех газет Дрэдфилда и я, не удержавшись, хихикнула.

— Смешно ей, — фыркнул Ксавьер. — Мы тут за ее судьбу переживаем, а она смеется над нами.

— Я смеюсь не над вами, — подходя к дяде и обняв его за плечи, пояснила я. — А над вашими гениальными идеями.

— Его идеями, — хором поправили меня папа и дядя Дэм, указывая пальцами на зачинщика.

Отец забрал у Дэмиана бокал и присел на подлокотник его кресла, отпивая.

— Возможно, Кристиан прав, — задумчиво проговорила мама. — И Тьерре нужно еще немного поучиться.

— Ты всегда защищала этого недоумка, — взорвался отец, вскочив на ноги.

— Малышка, — проигнорировав выпад мужа, мама обратилась ко мне. — Расскажи мне, что было на испытании. О чем говорил Брэйв, когда сказал, что ты заигралась в хорошую девочку?

Я сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Объяснить то, что там происходило было непросто, тем более, что о половине примененных мной способностях, мама была не в курсе.

— Лес напустил на нас семь смертных грехов, — тща-

но подбирая слова, начала я. — И ребята...

Я замялась, не зная как сказать.

— Они бы умерли, если бы я им не помогла, — выпалила я на одном дыхании, уже понимая, чем мне это грозит.

Мама посмотрела на меня внимательно поверх очков, которые носила последний год.

— Малыш, ты уверена?

— Мама, хватит разговаривать со мной, как с маленькой! — уже я взорвалась. — Наверное, если бы я не была уверена, то не полезла бы, как ты думаешь?

— Ладно, не ругайся, — поднимая обе руки ладонками вверх в примирительном жесте, отозвалась Верховная Ведьма Города снов. — Просто, если ты полезла спасти тех, кто в спасении не нуждался, а должен был пройти какой-то свой урок, то ты сделала хуже и им и себе. И тогда тебе, действительно, нужно еще поучиться.

Я молча сжала руки в кулаки, понимая, что мать права. Как всегда, дрыш ее раздери, она права!

“Хочешь кого-то спасти — спаси себя!” — твердила она мне всю жизнь.

И я, конечно же, ее не послушала. Я никого не послушала. Собственно говоря, за это и поплатилась. Дура!

Не желая больше слушать семейные обсуждения происходящего, я развернулась на каблуках своих форменных сапог и пулей вылетела из дома.

Долго бродила по улицам, пока ноги сами не привели ме-

ня к границе Леса Отчаяния, хотя не могу сказать, что я уж настолько отчаялась. Скорее я была очень зла на саму себя, на эту дурацкую ситуацию и на Криса, который растоптал все, что я сама себе напридумывала.

Говорила мама, что розовые очки всегда разбиваются стеклами в глаза и это больно. И опять была права.

— Ну, ладно, — рассуждала я вслух с Эорией, которая заметно выросла с испытания, но продолжала невесомо сидеть у меня на плече. — Допустим, он был не обязан оправдывать мои ожидания, так?

— Так, — согласилась драконица.

— Он глубоко взрослый мужчина, прошедший несколько войн и вряд ли ему актуальны мои детские влюбленности.

— Вряд ли, — поддакнула Рия.

— Но он же мог хотя бы не хамить, правильно? — возмущенно спросила я.

— Правильно! — подтвердила мои мысли драконица. — Мог.

— Но почему-то этого не сделал! — прорычала я, перешагивая границу леса. — Подонок!

— Согласилась! — фыркнула Эория, чем заслужила мой недовольный взгляд.

Лес встретил нас пронизывающим ветром. Словно подхватив мое настроение, он трепал мои волосы и гнал прочь, но я была намерена остаться.

Я отпустила Эорию погулять, размять крылья, а сама мед-

ленно брела вдоль границы леса, решив не заходить далеко, как вдруг услышала какой-то шорох за спиной и обернувшись, увидела выходящего из зарослей наследного принца.

— Ну, сейчас то я тебе все выскажу! — прошипела я себе под нос и направилась напрямик к нему.

— Тьерра? — взволнованно спросил мужчина, когда я подошла ближе. — Что ты здесь делаешь? Да еще и одна?

Он строго хмурился, прямо как в моем детстве, когда я шкодила.

— Делаю так, чтобы мне не стремно было оставаться на второй год! — с этими словами, я размахнулась и со всей дури зарядила негодяю поддых.

Глава 6

Тьерра

Я решила не дожидаться того момента, когда на меня обрушится гнев наследного принца и сразу же после восстановления справедливости, ушла в закат с гордо поднятой головой.

— Тьерра, подожди, — крикнул Брэйв мне вслед, но я даже и не подумала обернуться.

Он не достоин моего внимания. Не за то, что он завалил меня на экзамене. Нет. Там я была согласна и с ним и с мамой — сама виновата. Нечего было лезть, где не просят и причинять добро.

Я врезала ему за его взгляд. Надменно-презрительный. За ехидную ухмылку, которой он наградил меня там, спускаясь с преподавательской трибуны. За то, что даже не узнал меня. За то, что спустя долгих пятнадцать лет, ко мне вернулся абсолютно другой Крис, а не тот, который уходил. За то, что он предал нашу дружбу. Про свою детскую наивную влюбленность я уже даже заикаться не буду.

Она улетучилась сразу же, как он открыл свой рот. Разбилась вдребезги об его саркастичные замечания в мой адрес.

— Может стоило сначала с ним поговорить? — задала логичный вопрос Эория, которая, как оказалось, все это время

молча шла за мной.

Я обернулась и посмотрела на драконицу. Это была уже не маленькая милая крошка, помещающаяся у меня на плече. Это был полноценный дракон, метра полтора в высоту, с выросшими рожками и вполне себе заметными клыками.

— То есть теперь ты его защищаешь? — удивленно вскинув брови, спросила я.

— Я не защищаю, — примирительным тоном начала Рия. — Просто иногда полезно поговорить и узнать противоположную точку зрения. Потому что разрушить что-либо ты всегда успеешь. А вот сохранить, после того, как дров наломал — уже сложнее.

Она говорила как-то надломлено. Словно, это было про нее, а не про мой недавний поступок. Я слышала грусть в ее голосе и видела какую-то всеобъемлющую тоску во взгляде. Мне даже стало немного стыдно за свою несдержанность. Казалось, что ее чувства больше, сильнее и важнее, чем мои.

— Может и надо было узнать, — чувствуя себя неуютно ответила я, пожав плечами. — Но я не узнала. И узнавать не пойду.

Так получилось, что как таковых подруг/друзей у меня в академии не было. Кто-то меня боялся, кто-то не хотел дружить с ректорской дочкой, потому что считал заносчивой, а я не утруждалась тем, чтобы переубеждать их. Поэтому моей единственной подругой была София, дочка друзей нашей семьи, обладающая увлекательной способностью пи-

таться эмоциями окружающих ее людей.

Именно к ней я и пришла в крайне отвратительном эмоциональном состоянии.

Она была младше меня по возрасту на пять лет, но с лёгкостью компенсировала это живым умом и знаниями, доставшимися ей по наследству от далеких предков.

— Ты как? — спросила подруга, наливая мне в кружку кофе, после того, как я переоделась в уютную пижаму, ставив с себя, ставшей ненавистной за этот слишком долгий день, форму и приняв душ.

Мы часто ночевали друг у друга, поэтому каждая имела у себя ящичек с одеждой другой.

— Так, как будто по мне пробежало стадо криворогов, — честно призналась я, отпивая из кружки горячий ароматный напиток.

Софи поморщилась, видимо, представив, какого это и протянув к моему плечу ладонь, спросила:

— Заберу?

Она могла одним прикосновением выпить из меня эмоции и сделать мое настроение ровным и даже безразличным, но я не была уверена, что сейчас это именно то, что мне нужно.

— Нет, — отрицательно покачала головой я. — Мне ещё нужно в этом повариться. Да и тебе этот коктейль вряд ли нужен.

Подруга неопределенно пожала плечами, мол, как хочешь.

— Что собираешься делать дальше? — задала она новый вопрос, садясь напротив.

— Ну, тягаться с наследным принцем даже мне не под силу, — неопределенно пожала плечами я. — Тем более, что проанализировав ситуацию, я пришла к выводу, что он был прав и я, действительно, полезла туда, куда меня не просили. За что, собственно говоря, и поплатилась.

— Но ведь он мог не делать это так... — подруга замялась, судя по всему, испытывая противоречивые чувства, — так унижительно и прилюдно.

— Мог, — согласилась я. — Но почему-то сделал.

— Мама сказала, что война очень меняет людей, — отпив из кружки, продолжила свою мысль Софи. — И что дяде Кристиану нужно время на то, чтобы понять, что он больше не на фронте и тут совсем другие правила и законы.

— Надеюсь, что мой удар под дых ускорит процесс его адаптации к гражданской жизни, — отсалютовав кружкой, заметила я.

— Боги, — взмолилась подруга. — только не говори мне, что ты поймала дядю где-нибудь за углом и побила?

— Ну... — смущенно скривилась я. — Ловить я никого не ловила. Он сам пришел. Но справедливости ради, скажу, что я его не била. Так, один раз физически аргументировала свою позицию.

— Будем надеяться, что тебя за это не отчислят из академии, — укоризненно глянув на меня, сказала София.

— Даже если и отчислят, — безразлично отозвалась я. — Ничего особого я не потеряю.

— А как же желание доказать всем, что ты чего-то стоишь? — поддела подруга.

Она всегда знала как вернуть меня в состояние разумности.

— Придумаю что-нибудь, — ответила я. — В конце концов, способ проявить себя может быть очень много. Не все из них законные, правда, но все же.

Я хотела сказать что-то еще, но заметила, как София крайне удивленно смотрит куда-то за мою спину.

— Ты чего? — нахмурившись, спросила я.

— Да, я вот думаю, а это нормально, что у нас во дворе какой-то дракон охотится на бабочек?

Я резко обернулась и увидела умилительную картину, как Эория резвится на полянке у дома, гоня бабочек и прочую живность.

— Упс!

Глава 7

Кристиан

— Получил? — ехидно заметил Веридор, вальяжно выходя из кустов, в которые мы и приземлились. — А я говорил тебе, не суйся.

— Она одна гуляла здесь, — возразил я, наблюдая, как рана, которую вроде бы залечил мне дракон, открылась снова от удара. — А в Лесу Отчаяния не безопасно.

— Судя по всему, — продолжал ящер. — Эта юная леди далеко не из робкого десятка и умеет за себя постоять.

Я задумался над его словами. А ведь и правда, я помнил ее маленькой девчонкой, которая заливисто хохотала, когда я корчил ей рожицы или подкидывал вверх, играя с ней в драконов. Да, сестра присылала мне на фрон изображения всех и Тьерры в том числе, я видел, как она растет, но одно дело видеть это на фото, а совсем другое увидеть в живую то, какой необычайно красивой молодой девушкой она стала.

“Ты идиот? — дал я себе мысленный подзатыльник. — Тебе мало проблем с ее отцом, так ты еще решил и засмотреться на нее? Совсем тебе на войне мозги отшибло?”

Твердо решив для себя — не рассматривать Тьерру как девушку, я отправился выбираться из леса. Но и тут мой запал быстро иссяк, потому что я вспомнил о том, как я вооб-

ще оказался в той точке, в которой есть сейчас.

Меня предал кто-то из своих же и нужно было срочно выяснить, кто, до того, как они поймут, что я жив, практически здоров и крайне зол.

Соваться в свою квартиру было рискованно, но к Лилит я не пойду, дабы не подвергать их опасности, а пойти во дворец к отцу было бы еще большей глупостью, потому что все лишние уши и глаза собрались именно там.

Выбрав путь наименьшего сопротивления, я оставил Веридора резвиться в лесу и отправился к себе домой, ожидая чего угодно, хотя бы потому что не было меня там пятнадцать лет.

И мое предчувствие меня не обмануло, хотя я бы предпочел, чтобы это был какой-нибудь оживший мох, а не магическая ловушка, которая сработала бы сразу же, как только я открыл дверь.

Поэтому я ее не открыл. Просканировал магическую защиту, понял, что она давно была нарушена и перекроена. А это значит, что ждали меня тут не первый день и надеялись на то, что если не сработает взрыв на поле боя, то здесь то точно должен сработать.

“Кто ж знал, что я окажусь такой предусмотрительной тварью и порушу злодеям все планы?” — ехидно подумал я про себя, развернулся и отправился в единственное место, где мне сейчас возможно и не особо будут рады, но по крайней мере не побьют с порога и не выгонят.

Пришлось напрячься, чтобы вспомнить наш, со студенческих лет, тайный стук в дверь. После второй попытки дверь распахнулась и на пороге появился растрепанный и голый по пояс сверху Андервальд.

— Я так понимаю, что ждал ты явно не меня? — задал я вопрос, разглядывая внешний вид друга.

— Я вообще никого не ждал, — фыркнул Лукас. — Я спал. Скажи спасибо, что штаны надел.

— Благодарствую, барин! — с издевкой поклонился я. — Пустишь?

— Заползай, — старый студенческий друг отошел в сторону, пропуская меня внутрь своего жилища.

Даже если Андервальду и показался мой визит странным, он не подал вида и ничего не спросил.

До того, как с легкой руки генерала Горнела Харташа, я отправился на пятнадцатилетнюю военную службу, мы с Лукасом были довольно близкими друзьями и в какие передраги только не попадали.

С тех пор у нас было негласное правило — если к тебе пришли за помощью, сначала ты даешь другу прийти в себя, отдохнуть и уже только потом лезешь с расспросами.

Этот раз не оказался исключением и прошедшее время не стерло старых договоренностей.

— Полотенце и сменная одежда в верхнем шкафу, — проходя на кухню, буркнул Лукас. — Душ вон за той дверью.

Смотри, не перепутай!

Приведя себя в порядок, наложив магическую повязку, благо мой резерв уже почти восстановился, я вышел из ванной комнаты и прошел на небольшую, но уютную кухню, где за столом меня уже ждали ароматный кофе, бутерброды с вяленным мясом и хмурый Андервальд.

Пока мне в рот не попала еда, я и не думал, каким, оказывается, был голодным. Смел подчистую все, что было на тарелке, даже моргнуть не успел.

— Ну, вы батенька, и пожра-ать! — задумчиво протянул старый друг, отпивая из своей кружки.

— Офень фкуфна! — не успев дожевать последний бутерброд, ответил я с полным ртом.

— Угум, — кивнул Лукас. — А теперь рассказывай, какая муха тебя укусила, что ты решил потоптаться на самолюбии нашего драгоценного главнокомандующего?

Я нахмурился, потому что не особо понимал, о чем он говорит.

— Ты о чем? — все-таки решил уточнить я. — Я его пятнадцать лет не видел. Надеюсь, что за это время его нелюбовь ко мне хоть немного, да поутихла.

— Она, конечно, может быть и поутихла, — кивнул Андервальд. — Но ты не заметил, как сегодня на экзамене, твое природное обаяние разожгло ее заново?

— На каком экзамене? — удивленно спросил я.

— Тебе там на войне совсем мозги отшибло? — возму-

тился Лукас, которому явно не нравилось, что я безбожно туплю. — Или ты настолько стал старым, что страдаешь провалами в памяти? Так, мы вроде с тобой одногодки.

— Подожди, — поднял я вверх обе руки, как бы говоря, чтобы друг не ругался. — Ты хочешь сказать, что я сегодня уже был в академии?

— Ты сегодня не просто был в академии, — фыркнул друг. — Ты сегодня был председателем экзаменационной комиссии у Тьерры Харташ и прилюдно завалил ее на экзамене.

— Что я сделал? — от неожиданности я даже поперхнулся.

— Я думал, что ты так выглядишь, потому что Горнел избил тебя с особой жестокостью в ближайшей подворотне, — с сомнением глядя на меня, признался Лукас.

— Я так выгляжу, потому что неизвестно сколько бродил по Эмоциональной Пустоши, в которую меня выбросило взрывом на поле боя, — пояснил я. — И никаких экзаменов я сегодня не принимал.

— Тогда, кто это был? — задал логичный вопрос Андервальд.

— Очень хороший вопрос...

Глава 8

Тьерра

Следующее утро встретило меня с солёным привкусом стыда на губах и тяжёлым взглядом профессора Андервальда.

Раз сдать экстерном выпускные экзамены и доказать самой себе, что я хоть чего-то да стою не удалось, я, решив, что обязательно придумаю какой-нибудь другой способ, угрюмо отправилась на пары.

Правда, после того, как я полночи объясняла Софии откуда взялась Эория, почему она гоняется за бабочками и что теперь с ней делать, я не могла сказать, что я была выпавшаяся, бодрая и веселая.

Так как о моих чувствах к Крису не знал даже сам Крис, я не могла признаться Софи в том, что создала драконицу из эмоционального всплеска после того, как узнала, что ее дядя погиб на войне.

Вся эта история была крайне мутной и осложнялась еще и тем, что он вроде как не погиб, а вон, вполне живой и здоровый, бродит по академии и нормальным людям экзамены заваливает.

Подруга, благо, лишь покачала головой, пробормотав что-то о «когда ты уже прочтешь инструкцию по взаимодействию

с эмотеррами?» и больше вопросов не задавала.

Пары по основам эмоционального воздействия проходили в одной из больших аудиторий, где солнечный свет, преломляясь через витражи, рисовал на полу мутные пятна, идеально совпадающие с моим настроением.

Пока я пробиралась к своей скамье, по аудитории прокатился волной сдержанный смешок. Один из моих однокурсников, парень с чрезмерно безупречной укладкой, театрально отодвинулся, будто мое поражение было заразным.

— Смотрите-ка, Харташ почтила нас своим присутствием, — прошипел он, пока Андервальд возился с магическим кристаллом. — Уже подала апелляцию? Или папочка-ректор все и так уладит?

“Хочешь, я подпалю ему шевелюру?” — спросила Рия у меня в голове. А на этот навык мы потратили вторую половину ночи.

Я лишь приподняла бровь, тяжело вздохнув и одарив парня предупреждающим взглядом. А после того, как он стушевался, с наслаждением представила, как его безукоризненные волосы внезапно превращаются в гнездо, которое разворошили криворогов.

Ирония судьбы была в том, что я сама взрастила эту стену отчуждения, а теперь упиралась в неё лбом. Но долго погрустить на эту тему времени у меня не было.

Профессор Андервальд начал лекцию о контроле над магией в состоянии эмоционального дисбаланса. Каждая его

фраза казалась уколом в мою сторону. Я старалась сосредоточиться на конспекте, но буквы расплывались, будто написанные слезами, которых я не позволила себе пролить.

И вот, в самый разгар рассказа о стабилизации эмоциональных потоков, дверь в аудиторию со скрипом распахнулась.

— Лукас, дружище! — радостно произнес знакомый баритон, а я нехотя повернула голову, чувствуя, как внутри снова начинает закипать злость.

Кристиан вальяжно проплыл внутрь аудитории и прошел к преподавательскому столу, протягивая руку профессору, который был явно удивлен происходящим.

— Господин, наследный принц, — едва склонил голову Андервальд. — Мое почтение.

— Да, брось ты эти расшаркивания, — отмахнулся Брэйв, хотя по нему было видно, что подобная реакция преподавателя непременно чешет его непомерно раздутое эго. — Ведешь себя так, будто мы никогда за одной партой не сидели.

Кристиан по-свойски похлопал Лукаса по плечу, а тот в ответ натянуто улыбнулся. Профессор Андервальд терпеть не мог, когда дисциплину на его занятиях кто-то нарушал и ему было плевать, студент это, ректор, наследный принц или сама Сенсея.

Недовольство на лице Лукаса было видно из космоса, но Крис, казалось, специально этого не замечал.

— Я очень удивился увидев твою фамилию среди препо-

давателей этих бездарей, — делая вид, что они в аудитории одни, как ни в чем не бывало продолжал Брэйв. — Вот уж кто-кто, а ты то точно должен был научить их уму-разуму, а они прутся экзамены экстерном сдавать.

Андервальд кашлянул и кивнул в нашу сторону, принц, обернувшись, сделал максимально удивленное выражение лица, а я в свою очень сильно пожалела о том, что вчера пожалела негодая и врезала не по этому самому лицу.

— О, и вы здесь? — не растерявшись, заметил Кристиан и, найдя меня взглядом в толпе, добавил: — Я думал, вы уже отчислились и страдаете по домам.

“Не дожدهшься!” — злобно подумала я про себя, пристально глядя ему в глаза.

Очень хотелось высказать ему все, что я думаю о нем, о его поведении, но я, собрав в кулак все силы, моральные и физические, сдержалась, за что мне непременно нужно было выдать медаль.

“Если ты не перестанешь пыхтеть от злости, — раздался голос Эории в моей голове. — То я очень скоро лопну”.

Я уже поняла, что драконица питается моими эмоциями и от этого растет ни по дням, а по часам.

— Ну, раз вы из тех, кто не сдается, — расплывшись в ехидной улыбке, продолжил принц. — То, спешу вас обрадовать тем, что так как качество вашего образования оставляет желать лучшего, я решил лично взяться за этот вопрос и с сегодняшнего дня буду преподавать у вас два основных пред-

мета: выдерживание эмоций и эмоциональное сопротивление.

Если он ожидал восторженных оваций, то сильно просчитался. По аудитории пронесся недовольно-испуганный шепот и никто из студентов не спешил рукоплескать. Только парочка недалеких девиц с первой парты, активно строила глазки наследному принцу, чем заставляла глаза Андеральда закатываться куда-то в район затылка.

— Это очень замечательная новость, — подхватил профессор. — Не каждому выпадает возможность учиться не просто у наследного принца государства, а у боевого офицера, который каждый день по несколько раз на практике оттачивал мастерство тех предметов, которые собирается вам преподавать.

— Вот уж не думал, дружище, — слегка вскинув бровь, посмотрел на Лукаса Кристиан. — Что чтобы получить твою похвалу мне придется пятнадцать лет отвоевать на границе с нечистью.

— Ну, почему же? — возразил Андервальд. — Помнишь, когда мы сдавали экзамен в имитации Леса Отчаяния и у тебя получилось подавить панику у девчонок? Я тогда тебя тоже похвалил же.

Профессор пристально смотрел на своего оппонента, словно пытался что-то прочитать в его реакции. То, чего было не видно нам.

Но прежде, чем Крис успел ответить, дверь в аудиторию

вновь распахнулась и на пороге появилась помощница ректора Гарда — Селеста.

— Прошу прощения, профессор Андервальд, — твердым голосом начала она и продолжила уже обращаясь к Кристиану: — Ваше Высочество, нам с вами необходимо оформить еще пару документов и я должна выдать вам преподавательский пропуск.

“Значит, он не шутил...” — с тяжелым вздохом подумала я про себя.

Глава 9

Тьерра

— Что значит, он будет преподавать в академии? — сокрушался папа за завтраком. — Кто дал ему такое право?

— Милый, — мягко произнесла мама, снисходительно смотря, как отец меряет шагами гостиную. — Он — наследный принц. Это право есть у него от рождения.

— Криворог он щипаный, а не наследный принц! — рыкнул папа. — Я сейчас же свяжусь с Теодором и скажу ему, чтобы он забирал своего сыночка в дрышеву задницу!

— Папа!

— Горнел! — возмутились мы с мамой в голос. — Во-первых, Тед и Габи уехали с младшими внуками в отпуск, а это уже само по себе наказание. Во-вторых, Теодор тебе, конечно же, друг, но поверь, выбирая между тобой и сыном, он выберет сына и будет прав.

Папа открыл было рот, чтобы возмутиться, но мама не дала ему этого сделать.

— Ты бы на его месте поступил бы точно так же. А в-третьих, да, дай ты парню почесать свое эго о нерадивых студентов. И ему и им это будет полезно.

— Знаете, что? — фыркнул Горнел. — Я на этот бардак смотреть не собираюсь. Хотите делать из академии притон

бездарей? На здоровье! Я в этом участвовать отказываюсь!

С этими словами, папа вышел из дома, громко хлопнув дверью, где-то в районе сада обернулся в дракона и улетел в неизвестном направлении.

— Обиделся? — уточнила я у мамы.

— Перебесится, вернется, — абсолютно флегматично заметила она, продолжая невозмутимо завтракать. — Я же не виновата, что у отца кризис личности. На занятия не опоздаешь?

— Уже бегу, — отозвалась я, вставая из-за стола.

Я чмокнула маму в щеку и выбежала в ту же самую дверь. Мне сегодня предстоял увлекательный аттракцион в виде целых двух пар под руководством господина Брэйва и я морально готовилась не вести себя, как папа.

Когда от занятия прошло почти десять минут, а новоявленного преподавателя так и не появилось, мы уже хотели всей группой радостно покинуть аудиторию, но чудо все-таки случилось.

На ходу застегивая камзол и поправляя взъерошенные волосы, Кристиан Брэйв ввалился в зал и воодушевленно сообщил, что его задержали важные дела.

Где-то внутри меня кольнуло обидой, потому что я не пятилетний ребенок и прекрасно понимала, откуда можно было появиться в таком виде, но, конечно же, мне не хотелось в это верить и я нашла от себя эти мысли.

— Судя по вашим грустным лицам, — оглядывая студентов,

заметил преподаватель. – Вы искренне надеялись, что меня по дороге на пару сожрали кривороги. Мне конечно, очень жаль, что я не оправдал ваших ожиданий. И чтобы как-то реабилитироваться, предлагаю вам сразу продемонстрировать мне свои навыки защиты и атаки с помощью всеми нами любимым гневом.

По аудитории пронеслись возмущенно-недовольные возгласы, но никакого впечатления на Кристиана они не произвели, поэтому он продолжал:

– Не сидим! Делимся на пары.

Дрыш! Я ненавидела упражнения, в которых нужно было работать в паре, потому что со мной обычно никто в пару не вставал. Поэтому все приемы я отрабатывала дома на родителях и дядях.

Собственно говоря, этот раз не стал исключением и когда вся группа поделилась на пары, я осталась стоять одна почти посередине зала.

– Студентка Харташ, – обратился принц ко мне, вальяжно двигаясь в мою сторону. – Вам особое приглашение нужно, чтобы поделиться на пару.

– Я бы с радостью это сделала, господин преподаватель, – последнее слово я почти выплюнула. – Но количество студентов в группе – нечетное, поэтому это физически невозможно.

– Нет ничего невозможного, Тьерра, – чуть наклонившись ко мне и понизив голос, сказал Кристиан. – Было бы жела-

ние.

Он лукаво подмигнул мне, а я наоборот прищурилась в ответ.

– Встанешь в пару со мной, – следом огорошил он меня.
– У каждого должен быть достойный противник.

До этого ни один из преподавателей не вставал со мной в пару. Не потому что они боялись меня. Нет. Они боялись моего отца и случайно навредить мне, потому что потом бы папа навредил им специально.

Но Брэйв как будто бы специально делал все, чтобы вывести отца из равновесия. Вот только он не учел, что папа уже больше двадцати лет женат на маме, а на эту беспокойную женщину требуется тонна выдержки.

Я спокойно встала в пару с принцем, ожидая, какое же упражнение он для нас придумал.

Оказалось, все до банальности просто - нужно было встать друг напротив друга и энергетическими потоками гнева сбить партнера с ног.

Мама называла это упражнение “психологическое айки-до”.

Я делала его примерно миллион раз, поэтому абсолютно спокойно встала в стойку и приготовилась принять атаку.

Потому что секретом этого упражнения было умение выдержать нападение. Не столько устоять на ногах, сколько найти способ принять гнев партнера и трансформировать его в свою силу.

“Гнев, злость, ярость будут губительными для тебя только тогда, — вспомнила я наставления Верховной ведьмы Дрэдфилда. — Когда ты пытаешься их победить, приручить. Со своей злостью нужно дружить, а чужую уметь выдерживать, помня о том, что эта злость скорее всего направлена человеком на самого себя”.

Помнить то это я помнила, но мы же все прекрасно понимаем, что знать, понимать и делать — это абсолютно три разные вещи, не имеющие друг к другу никакого отношения.

— Ну что, бездари, готовы? — громко спросил преподаватель, пристально глядя мне в глаза.

В них не было прежнего тепла, которое я помнила и я дала себе мысленный подзатыльник, напоминая о том, что он пятнадцать лет был на войне, которая вряд ли способствовала сохранению нежности и любви внутри одного отдельно взятого наследного принца.

— Надеюсь, мамуля научила тебя этому упражнению? — обратившись уже ко мне, спросил Брэйв.

— Может вы перестанете болтать, господин преподаватель, и перейдете к выполнению? — ехидно вскинув бровь, спросила я.

Я ожидала, что он будет пытаться меня провоцировать, но старалась оставаться предельно спокойной, потому что не горела желанием обрести в своей послужном списке пункт: “разорвала на кусочки наследного принца”.

— Как скажешь, малышка Тьерра, — чуть наклонившись,

шепнул мне на ухо Кристиан.

И я уже приготовилась принять его атаку, как заметила на воротнике его белоснежной рубашки след от красной помады, пропустила удар и, конечно же, отлетела в дальний угол зала.

Глава 10

Тьерра

Знаете, лететь в противоположную стену тренировочного зала не только далеко, но еще больно и унижительно.

Еще более унижительно то, что я проморгала атаку. Ну, и самое обидное — это то, что я проморгала атаку из-за того, что внутри меня поднялась ревность.

Очень долго я считала этого мужчину своей собственностью, наивно полагая, что когда он вернется, мы будем вместе.

И если головой я уже поняла, что ничего нам с ним не светит, то моя душа была с этим не согласна и реагировала не так, как бы мне хотелось.

Обо всем этом я думала, приходя в себя, лежа где-то в углу.

— Мне вот интересно, — склонившись надо мной сидел Кристиан и просто ждал, пока я открою глаза. Удивительное проявление беспокойства о вверенных ему студентах. — На какой досрочный выпуск из академии ты рассчитывала, если пропустила атаку в элементарном упражнении?

Я недовольно закатила глаза, пытаясь безуспешно сесть. Подняла голову и не увидев никого в аудитории, кроме пристально рассматривающего меня наследного прынца, при-

шла к выводу, что в отключке я была довольно долго.

— Помочь не хочешь? — уточнила я.

— Не особо, если честно, — отрицательно покачал головой Брэйв. — Это еще одна твоя ошибка — полагаться на ближнего. Квалифицированный выпускник академии должен рассчитывать только на свои силы и знания.

Но руку мне все-таки протянул. Я же колебалась, принимать его помощь или прислушаться к совету и положиться только на себя.

Какая-то иррациональная часть меня схватилась за его руку, как за спасательный круг, быстрее, чем я успела что-либо сообразить. И знаете, что?

А ничего! Я не почувствовала абсолютно ничего. Ни нежности, ни трепета, ни какой-то искры, которой я ожидала — ничего из этого.

Только отвращение. И как будто попытку потянуть из меня магию, что заставило меня резко отдернуть руку. Или мне показалось?

— На твоем месте я бы не вылезал из тренировочного зала, — словно не заметив моей реакции, продолжил свои наставления новоиспеченный преподаватель. — Реакция хромает, инстинкт самосохранения отсутствует.

— Про ваш инстинкт я могу сказать то же самое, господин принц, — язвительно фыркнула я, отряхивая форму от пыли.

В ответ мне он лишь задорно рассмеялся. Но этот смех

оборвался так резко, что я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Словно кто-то переключил тумблер с “насмешливого преподавателя” на “разъяренного мужчину”.

Его глаза, только что сиявшие весельем, стали ледяными, а улыбка исчезла, обнажив нечто хищное и совершенно не королевское.

Прежде чем я успела отступить, он резко, до боли, схватил меня за локоть и притянул к себе. Хватка была стальной, далеко не преподавательской, и я ощутила, как его пальцы впиваются в кожу.

— Ты думаешь, раз ты дочка генерала, значит тебе все можно? — прошипел он, наклонившись так близко, что я почувствовала запах его дорогого одеколona, смешанный с чем-то металлическим. — Ты слишком самонадеянна, Тьерра. Точно так же, как твой папаша. Он всегда считал себя непобедимым и именно в этом его ошибка.

Я попыталась выдернуть руку, но он лишь усилил хватку.

— Отпусти! Мне больно! — процедила я сквозь зубы.

— Ты не знаешь, что такое “больно”, золотая девочка, — ехидно хмыкнув, продолжил Кристиан свою тираду. Он смотрел на меня с такой нескрываемой злобой, что у меня перехватило дыхание. — Мой отец слишком долго потакал выходкам вашей наглой семейки. Но ничего, я здесь чтобы исправить положение.

— Какой криворог тебя укусил? — непонимающе глядя

на этого абсолютно незнакомого мне мужчину, спросила я.

— В этом мире твои эмоции — это не сила, а дрышева опасность, — злобно прорычал он. — Ты пропустила атаку не потому, что ты слаба, а потому, что за столько лет ты не научилась контролировать свою силу. Ты опасна для общества, Тьерра.

Внутри меня все сжалось. Он не имел права говорить мне такое. Или я просто не хотела это слышать? Потому что получается, что он единственный, кто не побоялся сказать мне правду в глаза.

— К завтрашнему утру, — его голос стал тише, но от этого не менее угрожающим, — мне нужен подробный доклад. С примерами и анализом. Тема: *Формирование ментальной защиты от гнева и других деструктивных эмоций*. И не смей принести мне посредственную работу. Иначе я сделаю так, что тебя вышвырнут из этой академии с позором и никакой страшно рычащий папочка тебе не поможет!

Он оттолкнул меня, словно я была мешком с мусором и, не оглядываясь, направился к выходу. Я рухнула обратно на пол, нервно растирая онемевший локоть. Дверь тренировочного зала содрогнулась от удара, когда он ее захлопнул.

Я осталась одна в пустом зале, бездумно глядя на то место, где только что стоял тот, кого я любила долгие пятнадцать лет. Или думала, что любила.

Отвращение, которое я почувствовала ранее, сменилось чем-то более острым — возмущенным недоумением.

Я смотрела на закрытую дверь, пытаюсь понять, что это было. Смена настроения? Нет, это был не просто сбой. Это была чистая, нефильТРованная злоба.

Вот значит как, Кристиан Брэйв? Читаешь мне лекции о самоконтроле, а сам срываешься в ярость из-за одного моего едкого замечания.

И теперь я должна написать доклад о том, как не злиться, для человека, который, похоже, сам нуждается в принудительной медитации.

Кажется, я только что открыла в наследном прынце новую, весьма неприятную грань. Жаль, что вместе с этим, я открыла в себе тот самый, тщательно скрываемый годами, ящик самокопания и неуверенности, в который я усердно складывала мысли о том, что я — ошибка природы и бомба замедленного действия.

Глава 11

Тьерра

Если кто-то думает, что после откровенно провальной пары и угрозы вышвырнуть из академии с позором я буду впадать в депрессию и рыдать в подушку, то этот кто-то меня явно недооценивал.

Да, внутри все клокотало от унижения, злости и того самого возмущенного недоумения. Но долгие страдания — не моя история. В этом я таки пошла в маму.

Вместо того чтобы бежать домой и заливать раны души горячим шоколадом (хотя эта мысль казалась чертовски заманчивой), я направилась сначала в столовую, потому что подкрепиться все-таки стоило, а затем напрямик обратно тренировочный зал.

Вернее, в ее дальний, пыльный угол, где хранился инвентарь для особо упертых студентов, каковой я, видимо, и являлась.

— Ну что, Рия, — мысленно обратилась я к драконице, которая, судя по довольному урчанию в затылке, с удовольствием поглощала мой гремучий коктейль из эмоций. — Пора доказать этому зазнавшемуся принцу, что он поторопился с выводами.

— А можно я лучше пойду поем этих блестящих стрекоз?

— лениво поинтересовалась она. — Они такие вкусные, особенно приправленные твоей злостью.

— Нет, — отрезала я, с силой пиная манекен, изображавший злобного криворога. — Сегодня мы будем отрабатывать концентрацию. А ты будешь моим безжалостным тренером.

— О! — обрадовалась Эория и в воздухе передо мной возникло ее полупрозрачное, подрагивающее от возбуждения изображение. Мы договорились, что полноценно появляться в академии она не будет, потому что здесь слишком много лишних впечатлительных глаз. — Значит, я могу тебя критиковать?

— В рамках разумного, — немного подумав, решила я.

— Тогда начнем с того, что твоя стойка похожа на аиста, которого ударило током, — радостно сообщила драконица. — И выражение лица под стать.

Я скрипнула зубами, но скорректировала положение ног. Мы с Рией провели в зале несколько часов.

Я отрабатывала приемы ментальной защиты, пытаясь построить вокруг себя невидимый щит, непроницаемый для чужого гнева и, что было сложнее, для моих собственных сомнений.

Эория, к моему удивлению, оказалась прирожденным наставником. Ее замечания были едкими, но точными.

— Нет, нет, и еще раз нет! — кричала она, когда моя защита давала трещину под напором воображаемой атаки. — Ты же не фильтр для кофе, через который все просачивает-

ся! Ты — стальная дверь с кодовым замком! Представь, что на тебя несется тот самый принц с его противной ухмылкой!

Я представила и щит мгновенно стал прочнее и стал обрастать дополнительными защитами. О, да, злость оказалась отличным катализатором.

Под конец я валилась с ног, рубашка прилипла к спине, волосы выбились из некогда идеального пучка и вихрем торчали в разные стороны. Но на лице у меня блуждала победоносная улыбка.

Я поймала тот самый момент, то самое состояние, когда внешний шум стихал, а внутри воцарялась ясная, холодная сосредоточенность. Это было похоже на то, как будто я нашла выключатель в темной комнате собственной силы.

— Неплохо, — снисходительно протянула Эория, материализовавшись у меня за спиной и принявшись сосредоточенно рассматривать когти на правой лапе. — Для начала. Всего-то каких-то пару сотен лет постоянных тренировок — и ты станешь невозмутимой, почти как я.

— Какие пара сотен лет, Рия? — рассмеявшись в ответ на ее уверенное заявление, спросила я. — Ты же только что появилась. Ты еще совсем малышка.

Драконница посмотрела на меня как-то слишком загадочно и лишь покивала головой.

— Пойдем, тебя стрекозы ждут, — не заострив на этом внимание, сказала я.

Мы двинулись к выходу из зала в тот самый момент, когда

дверь отворилась и навстречу нам ввалилась группа весело болтающих старшекурсников.

Увидев мое помятое, заляпанное пылью и сияющее решимостью лицо, они резко остановились и присвистнули. Оглядев зал и не увидев никого, кто бы мог со мной такое сделать (благо, Эория к этому моменту уже успела исчезнуть), один из них, яркой наружности зеленоглазый блондин, спросил:

— Харташ? Ты тут с кем боролась? — он чуть наклонился, чтобы заглянуть мне в глаза, потому что был на добрых полторы головы выше, чем я.

— Со своими несбывшимися надеждами, — буркнула я, удивившись тому, что он знает, кто я.

Нет, о том, что в академии учится дочка генерала Харташа знали все, но я не думала, что старшекурсники знают меня в лицо.

“Какой красавчик! — возник в моей голове голос Рии и я чуть не поперхнулась от этого заявления. — Считаю, надо присмотреться!”

— И как успехи? — спросил парень, не желая уходить с прохода, хотя другие его товарищи уже прошли внутрь зала и стали готовиться к своей тренировке.

— Паршиво, если честно, — привыкшая к тому, что большинство студентов обходят меня стороной, я не была готова к такому долгому диалогу, поэтому немного растерялась и ляпнула то, что думала. — Спасибо, что спросил.

— Я Грег, — парень протянул мне руку, на которую я

установилась как на что-то, вылезшее из другого мира.

Это было очень неожиданно. Со мной не знакомились парни. Потому что боялись меня. И потому что еще больше боялись моего чудесного папочку.

Поэтому не знала, как реагировать.

“Просто пожми ему руку в ответ и скажи, как тебя зовут”, — подсказала Эория внутри моей головы.

— Тьерра, — сказала я, последовав ее совету, и вложила свою ладонь в его.

Парень широко улыбнулся и слегка сжав мою руку, сказал:

— Если хочешь, можешь тренироваться с нами.

Я уже хотела было отказаться от столь заманчивого предложения, потому что понимала, что скорее всего по силе я буду превосходить всю их дружную компанию, но тут за спиной моего нового знакомого, раздался голос, от которого в последнее время у меня сводило челюсть.

— У студентки Харташ индивидуальный курс тренировок, студент Симонс, — Кристиан возник из ниоткуда и подойдя к парню похлопал его по плечу. — И твоя помощь ей вряд ли потребуется.

Все старшекурсники тут же выпрямились по струнке и чуть склонив головы, поприветствовали наследного принца.

Я же с вызовом взглянула в глаза этому напыщенному криворогу и уже хотела возмутиться на тему того, какого дырша он лезет в режим моих тренировок, но то, что я уви-

дела в его взгляде остановило меня.

Я даже забыла о том, что хотела сказать, до того это было неожиданно и контрастировало с тем, что я видела до этого.

В его надменных, холодных глазах, к которым я почти привыкла за прошедшие несколько дней, вдруг мелькнуло что-то похожее на тепло, на... нежность. Это было так мимолетно, едва заметно, словно блик света на темной воде, но я поймала его и оно заставило меня замереть.

— Я сама решу когда и с кем мне тренироваться, — выдавила я из себя, пытаясь вернуть прежнюю дерзость, но голос прозвучал как-то не слишком уверенно. — Тем более, что вы, господин наследный прЫнц, сами мне рекомендовали не вылазить из тренировочного зала.

Кристиан лишь усмехнулся краешком губ, не отводя от меня взгляда, и это тепло в его глазах будто бы немного задержалось, становясь чуть более явным.

— Рекомендовал, — согласился Кристиан.

Он прошел мимо Грега, направляясь ко мне, встал у меня за спиной и, аккуратно взяв меня за плечи, наклонился почти к самому уху и сказал низким бархатистым голосом:

— Но впредь ты будешь отсюда не вылазить под моим чутким присмотром, — я даже вздрогнула от того, что его горячее дыхание прошло по оголенному участку кожи на шее.

Кристиан слегка сжал мои плечи своими большими, сильными руками и тут меня словно пробило током.

Не резким, обжигающим разрядом, как если бы я при-

коснулась к оголенному проводу, а приятным, будоражащим импульсом, который пробежал по коже, заставив сердце сделать непонятный кульбит.

Это было совершенно не то ощущение, что утром, когда я невольно взяла его за руку. Тогда был холод, отстраненность, даже какая-то болезненная острота, а сейчас – нечто совершенно иное, манящее, заставляющее задуматься.

— Тебе пора, Харташ, — его голос был обволакивающим, но уже без обычной резкости, а затем я почувствовала легкий, почти незаметный толчок в спину, словно нежное приглашение выйти.

Я молча развернулась и, стараясь не смотреть ни на Грегa, ни на остальных старшекурсников, которых, казалось, парализовало от всего происходящего, вышла из зала. В голове все еще гудело, а плечи слегка покалывало от прикосновения.

Домой я добиралась словно во сне, мысли метались от загадочного взгляда Кристиана до непонятного электрического разряда.

Зачем он так посмотрел? Что это было за прикосновение? Что за игру он затеял, дрыш его раздери?

Добравшись до комнаты, я тут же скинула рюкзак на пол и поспешила в душ, смывая с себя весь сегодняшний сумасшедший и не понятный день.

Надела домашнюю одежду и, собравшись с мыслями, села за стол, чтобы наконец-то заняться тем злосчастным докла-

дом, который задал мне этот странный мужчина.

— Может ему там на войне голову пробили, — продолжала я рассуждать вслух с самой собой. — И теперь у него раздвоение личности?

Вытащив нужные свитки и пергаменты, я открыла рюкзак, достала учебник и вместе с ним на стол выпала какая-то бумажка.

Я уже хотела было ее выкинуть, как взгляд зацепился за знакомый почерк, который я бы узнала и тысячи других, потому что пятнадцать лет подряд изучала каждую его записку.

"Жду тебя завтра вечером в библиотеке. Надо поговорить!"

Глава 12

Тьерра

Следующий вечер застал меня за подготовкой к походу в библиотеку — официально для работы над тем самым докладом, который мне вменил этот венценосный кретин.

Неофициально же сердце бешено колотилось в предвкушении встречи, которую я сама себе нафантазировала, обнаружив ту записку.

Я тщательно подобрала одежду — не слишком нарядную, чтобы не выдать своих тайных надежд, но и не совсем повседневную.

Эория, развалившись на полу под окном, наблюдала за моими метаниями с хитрой усмешкой. В ближайшем будущем надо придумать ей какой-нибудь уменьшающий артефакт.

— Ты же не надеешься, что это *он*? — спросила она, словно читая мои мысли.

— Не знаю, — честно ответила я, натягивая сапоги. — Но почерк его. Я его ни с чьим не спутаю.

Драконница фыркнула, но ничего не сказала.

Библиотека в вечерние часы была почти пуста. Тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц да отдаленными шагами дежурного библиотекаря, обволакивала меня, словно плотное покрывало.

Я устроилась за дальним столом, разложила свитки, пергаменты и притворилась погруженной в изучение трудов по ментальной защите. На самом деле все мои чувства были настороже, а взгляд то и дело скользил к входной арке.

Время тянулось мучительно медленно. Я уже начала сомневаться в здравомыслии собственных действий, когда знакомые шаги раздались в проходе между стеллажами.

Сердце екнуло, но когда он вышел из тени, что-то внутри меня сжалось. Внешне это был он — Кристиан, но выражение его лица вновь было тем самым, холодным и надменным, что я видела в тренировочном зале после инцидента на занятии. Ни тени той мимолетной нежности, что мелькнула днем.

Он остановился у моего стола, скрестив руки на груди.

— Усердно трудишься, Харташ? — его голос звучал ехидно. — Или просто выбрала самое уютное место в академии, чтобы помечтать?

Я подняла на него взгляд, сжимая перо в пальцах. Гнев и разочарование подступили к горлу.

“Глупая, непроходимая идиотка!” — отругала я себя мысленно.

— Я работаю над вашим заданием, господин наследный прЫнц, — сквозь зубы произнесла я. — И потом вы же сами...

Я чуть не ляпнула про записку, но вовремя остановилась. Что-то в его позе, в том, как он смотрел на меня свысока,

заставило насторожиться.

— Я что? — он наклонился ближе и его пальцы небрежно легли на край стола, почти касаясь моей руки.

И тут это случилось снова. Он случайно, казалось бы, задел мою кисть. Прикосновение было легким, быстрым, но оно вызвало во мне ту же волну ледяного отторжения, что и в зале.

Неприязнь, почти физическую тошноту. Я постаралась незаметно убрать руку и слова про записку застряли у меня в горле.

Это было не то. А в голове засела одна единственная мысль:

“Это не он!”

Он будто не заметил моей реакции, но его взгляд стал пристальнее.

— Знаешь, Тьерра, — голос его внезапно потерял ехидство, стал тише, почти исповедальным. — А я ведь понимаю тебя. Понимаю это вечное желание вырваться из тени своего отца. Доказать, что ты — не просто чья-то дочь. Что ты чего-то стоишь сама по себе.

Я молчала, слушая, настороженно изучая его лицо. В его словах звучала искренняя горечь, знакомая до боли.

— Я всю жизнь живу в тени своего папочки-короля, — продолжал он и в его глазах мелькнуло что-то похожее на боль. — Каждый мой шаг, каждое достижение — это не моя заслуга, а лишь отражение его славы. Или, что чаще, его

разочарования. Это желание — доказать всем, что ты не пустое место — оно съедает изнутри. Бежит впереди тебя, заставляя делать глупости.

Он помолчал, словно собираясь с мыслями, а потом посмотрел на меня так пристально, что мне стало не по себе.

— Я хочу извиниться за ту сцену в зале. Я был... резок. Но я вижу в тебе ту же борьбу. И я могу предложить тебе выход. Способ, после которого тебе больше не придется никому ничего доказывать. Ни отцу, ни этой академии, ни самой себе.

Он выпрямился и его взгляд стал твердым, почти горящим.

— Подумай об этом. Иногда чтобы обрести настоящую силу, нужно отважиться шагнуть туда, куда другим вход запрещен.

С этими словами он развернулся и вышел из читального зала, оставив меня в полной тишине, с бушующими внутри чувствами. Его слова отзывались эхом в моей голове, смешиваясь с отвращением от его прикосновения.

Я попыталась снова сосредоточиться на тексте, но буквы плясали перед глазами. И тогда я почувствовала это — легкое, едва уловимое притяжение, исходящее из глубины библиотеки.

Магия, тихая, настойчивая, словно чей-то зов. Она исходила оттуда, из запретного крыла, куда студентам доступ был строго воспрещен.

Меня будто потянуло невидимой нитью. Я медленно встала, собрав свои вещи почти на автомате, и пошла на этот зов, забыв и о докладе, и о странной встрече, и обо всем на свете.

Оставалось только любопытство и таинственная сила, манившая меня в самую глубину библиотечных тайн.

Глава 13

Кристиан

Вечер в квартире Лукаса Андервальда пах магией, тайными заговорами и дорогим вином. Я сидел на потертом диване, слушая, как мой бывший однокурсник, а ныне — профессор ментальных защит, смакует каждую деталь моего собственного кошмара.

— ...и представляешь, этот щеголь, с твоей физиономией, вещает с трибуны:

“Постарайтесь не сдохнуть!”

Лукас отхлебнул вина, и его глаза блеснули чистейшим, неразбавленным злорадством.

— Даже мне захотелось прописать тебе промеж глаз, — изрядно охмелев, признался друг. — Как Горнел сдержался, чтобы не разорвать тебя прямо там на части, ума не приложу.

— Ты думаешь, я в прошлый раз не понял, что моя жизнь теперь висит на волоске из-за какого-то там неопознанного криворога? — я потер лицо руками. — Я пятнадцать лет отбивался от нечисти на границах, чтобы вернуться и узнать, что мое лицо, имя и, судя по всему, врожденное право на хамство, присвоил какой-то недоносок!

— Не “какой-то”, — поправил Лукас, вытягивая ноги на журнальный столик. — А недоносок, обладающей универ-

сальной магией и уникальным даром хамелеона. Уверен в себе, как дракон в своем золоте. Преподавать вздумал. Смотрит на студенток так, будто оценивает коллекционное вино. Твоя Тьерра, кстати, в первых рядах оцениваемых — он не успокоился и сегодня завалил ее на простейшем упражнении.

Что-то острое и горячее кольнуло меня под ребра. Слова сливались в одну ядовитую смесь.

Моя Тьерра? С каких это пор? С тех, что пятнадцать лет назад я уезжал, а она, пятилетняя, кричала мне вслед, чтобы я обязательно привез ей перо феникса? Да, сестра присылала портреты. Да, я видел, как из гадкого утенка она превращалась... во что-то невероятное. Но это не давало мне никаких прав.

— Он занял мое место, — тихо сказал я, глядя на потолок, где паутина висела изящным готическим узором. — Мое имя, мой статус, мое... возможное будущее. Значит, будет логично, если я займу его.

Лукас поднял бровь.

— Ты хочешь выдать себя за самозванца, выдающего себя за тебя? — уточнил он. — У меня закружилась голова. Объясни проще.

— Он думает, что я мертв. Взрыв, портал, Пустошь — идеальная легенда о гибели. Пусть так и думает. Чем дольше, тем лучше. А я появлюсь здесь, в академии, и сам стану мастером перевоплощений.

— Яснее не стало...

— Я стану им, тоже буду преподавать. В конце концов, он же не торчит в академии круглыми сутками.

Он хитро прищурился.

— Только смотри, не попадись на глаза “самому себе”. Два Кристиана Брэйва в одном помещении — это даже для нашей академии перебор.

— Само собой, — удовлетворенно кивнул я. — И мне нужен преподавательский камзол. Как хорошо, что для преподавателей тоже есть одинаковая униформа.

— Сделаем! — отсалютовал мне бокалом Лукас и допил залпом содержимое.

“Блестяще, — подумал я. — Кем я только не был, отправляясь в разведку, но вот играть самого себя мне, конечно, еще не приходилось”.

Этим же вечером я отправился в академию, предварительно выяснив, через Лукаса, что лже-Крис покинул стены моей альма-матер.

Ноги сами повели меня в тренировочный зал, когда тот же самый Андервальд по-дружески случайно сообщил о том, что Тьерра сейчас штурмует стены академии изнутри.

Наложив на себя заклинание невидимости, я стоял в дверном проеме и наблюдал за ней. Она создавала магические шары и сама же отбивала их.

Видел, как она, вся взъерошенная и сияющая странной внутренней победой, столкнулась с этой группой старше-

курсников. Видел, как к ней подошел Грег Симонс.

Благо, я успел изучить нескольких ключевых фигур из нынешних студентов.

“Отличная работа, Кристиан. Ты выжил в Пустоши, чтобы ревновать двадцатилетнюю девчонку, которая выросла без тебя, к какому-то ухоженному щенку с безупречной улыбкой”.

Я снял с себя полог невидимости и вышел из тени.

— У студентки Харташ индивидуальный курс тренировок, студент Симонс, — сказал я, подходя и похлопывая парня по плечу так, чтобы это выглядело дружески, но прозвучало как окончательный вердикт. — И твоя помощь ей вряд ли потребуется.

Старшекурсники замерли, вытянувшись. Правильно. Хоть какая-то польза от этого дурацкого титула. Но ее взгляд — ее взгляд был другим.

В нем вспыхнул знакомый огонь, та самая дерзкая искра, которую я помнил в ее отце, а потом и в ней самой, когда она в пять лет пыталась “атаковать” меня деревянным кинжалом. Она собралась возразить. Я это видел по напряжению в уголках ее пухлых губ.

“Твою мать, Крис! — дал я себе мысленный подзатыльник. — О чем, дрыш тебя раздери, ты думаешь?”

Но потом она посмотрела мне прямо в глаза. И я не смог сдержаться. Видя ее — уставшую, помятую, но непобежденную — я позволил своему железному фасаду дать кро-

шечную трещину. Всего на мгновение. Пусть в моих глазах мелькнет признание. Гордость. Тепло.

Она замерла. Слова застряли у нее на губах. И это маленькое замешательство, эта потерянность тронули меня сильнее, чем любая ее ярость.

— Я сама решу, когда и с кем мне тренироваться, — выдавила она, но ее голос дрогнул, выдав неуверенность. — Тем более, что вы, господин наследный *прЫнц*, сами мне рекомендовали не вылазить из тренировочного зала.

ПрЫнц.

Она нарочно искажила слово, вонзив в него свое презрение, как клинок. Боже, как она выросла. Как прекрасно научилась драться.

— Рекомендовал, — согласился я, и уголок моих губ дрогнул в едва заметной улыбке. Этот блик тепла в ее глазах. Он таял, как весенний лед, обнажая что-то уязвимое и живое.

Я обошел Грега, который все еще стоял, сбитый с толку, и встал у нее за спиной. Ближе, чем следовало бы. Ближе, чем позволяли приличия.

Мои руки сами потянулись к ее плечам. Через тонкую ткань тренировочной формы я почувствовал жар ее кожи, напряжение мышц, готовых к отпору. Но она не дернулась. Не отпрянула.

Я наклонился к ее уху, и мое дыхание коснулось оголенной шеи, где пульсировала жилка. Она вздрогнула. Легкая, почти невидимая дрожь побежала по ее телу, и мои ладони

на ее плечах уловили ее.

— Но впредь ты будешь отсюда не вылазить под моим чутким присмотром, — прошептал я.

Я слегка сжал ее плечи. Не чтобы удержать или причинить боль. А чтобы... ощутить. Чтобы передать через это прикосновение то, чего не мог сказать словами:

“Я здесь. Я рядом. Не сдавайся!”

И тогда это случилось. Ток. Не иллюзия, не игра воображения. Легкий, живой разряд, пробежавший от точек соприкосновения моих ладоней с ее телом — вверх, по моим рукам, и вниз, к ее спине.

Теплый, будоражащий, полный тихой силы. Это была не ее магия и не моя. Это было что-то другое. Редкое и забытое. Искра, высеченная в точке пересечения двух одиноких дорог.

Она тоже почувствовала это. Я видел, как замерло ее дыхание, как расширились зрачки. Я и сам едва не отпрянул от неожиданности.

В зале повисла тишина, густая и звонкая. Я понял, что зашел слишком далеко. Переступил грань между нами.

Мне нужно было отступить. Пока эта искра не разожгла пламя, которое было бы сейчас крайне не вовремя и за которое Горнел оторвал бы мне голову.

— Тебе пора, Харташ, — сказал я.

Я убрал руки с ее плеч и легонько, почти нежно, толкнул ее в спину — нежный, но недвусмысленный импульс к дви-

жению.

Приглашение уйти, пока этот странный, наэлектризованный момент между нами не рассыпался, не превратился в неловкость или, что хуже, в новую стену.

Она не обернулась. Медленно, все еще будто во сне, пошла к выходу. А я остался стоять, чувствуя на ладонях остаточное тепло ее кожи и тихое, настойчивое эхо того самого разряда.

“Что это было, Кристиан? — спросил я себя, глядя ей вслед. — И что, дрыщи тебя раздери, ты теперь будешь с этим делать?”

Ответа у меня не было. Только странное ощущение, что камень, который я пятнадцать лет нес в груди, сдвинулся с места.

Это было больно... и... невыносимо легко.

Глава 14

Кристиан

Закочив в честном поединке отыгрываться на Симонсе, я отправился к Веридору с со спокойной душой и легкой дрожью в пальцах, которая все еще напоминала о том разряде между мной и Тьеррой.

Дракон устроился в небольшой расщелине недалеко от границы Леса Отчаяния — достаточно близко, чтобы при необходимости вмешаться, и достаточно далеко, чтобы не привлекать внимание академии.

Увидев меня, он приоткрыл один глаз, из которого тут же брызнул искрами сарказма.

— О, смотрите-ка, — прохрипел он, не меняя позы. — Вернулся наш благородный страдалец. Лицо у тебя такое, будто тебя заставили съесть лимон, обмазанный горчицей. Опять наткнулся на ту девицу?

Я плюхнулся на камень напротив, скинув плащ. Усталость давила на плечи, но внутри все еще бушевало странное беспокойство — смесь надежды, ревности и абсолютной растерянности.

— Она... не такая, как я ожидал, — начал я, глядя куда-то в сторону, где между деревьями пробивался последний луч заката. — Она выросла. Стала сильная. Еще более упрямая.

И смотрит на меня так, будто я — предатель, который разбил все ее игрушки и еще и посмеялся над этим.

Веридор приоткрыл второй глаз. В его вертикальных зрачках плескалось откровенное веселье.

— Да неужели? — протянул он и в его голосе зазвучали сладкие нотки язвительности. — А я-то думал, ты вернешься героем, все бросятся тебе на шею, а она — особенно. Ан нет! Война меняет людей, говорили они. Теперь я вижу — меняет в том числе и тех, кто ждал. И знаешь что, парниша?

Он приподнял голову и его чешуя зашуршала, словно сухие листья.

— Мне это даже нравится. Пусть помучается твое надменное королевское эго. Заслужил.

Я вздохнул, потирая переносицу.

— Дело не только в этом. Сегодня... когда я к ней прикоснулся...

Дракон тут же оживился. Оба глаза распахнулись, в них вспыхнул неподдельный интерес.

— О-о-о! Прикоснулся? Куда прикоснулся? К щечке? К ручке? Или, не дай Сенсея, к чему-то более пикантному?

— К плечам, — процедил я, чувствуя, как по щекам разливается тепло. — И между нами... пробежала искра. Буквально.

Веридор замер на секунду, а потом разразился таким хриплым, раскатистым смехом, что с ближайших деревьев посыпались листья.

— Искра! — всхлипывал он, давясь собственной веселостью. — Благородный, да ты романтик! Пятнадцать лет на войне, выжил в Пустоши, а теперь — искра! Может, это статика? Или у тебя в мозгу замкнуло что-то?

Я сжал кулаки, но сдержался. Спорить с драконом в таком настроении — все равно что пытаться заткнуть водопад пальцем.

— Это была не статика, — упрямо сказал я. — И не магия. Это было... что-то другое.

— Лябоффь, — с пафосом провозгласил Веридор и тут же скривил морду. — Фу, даже говорить противно. Ладно, допустим, не статика. Но знаешь, все это такие мелочи по сравнению с тем, что ты...

Дракон сделал паузу, а потом гаркнул мне в самое ухо.

— НЕ ПРИНЕС! МНЕ! СЛАДОСТИ!

Он придвинул морду так близко, что я почувствовал запах серы и чего-то сладковатого.

Я замер.

— Что?

— Не делай вид, что не понял! — дракон нетерпеливо ткнул мордой в мою сторону. — Я спас тебя, потому что у тебя была конфетка. С нее все и началось! Ты думал, я забыл? Драконья память — вещь нерушимая, особенно когда дело касается сахара. И раз уж ты пришел сюда ныть о своих сердечных терзаниях, то плата за мое драгоценное время и мудрые советы — кондитерская дань!

Я опустил голову и пробормотал:

— Сейчас не было времени заходить в кондитерскую.

— На конфетку всегда есть время! — рыкнул Веридор, приподнялся на передних лапах и его тень накрыла меня целиком. — У тебя было время играть в искры с ведьмочкой, а на конфетку — нет? Это возмутительно!

— Я обещаю, в следующий раз...

— Нет! — он рывкнул и земля под нами дрогнула. — Не “в следующий раз”, а в ближайшее время! Иначе, клянусь своими еще не отросшими до конца когтями, я вылезу из этого укрытия, приду в твою академию и подожгу ее! Не всю, конечно. Только ту часть, где хранятся учебники по этикету. Или столовая. Мне все равно. Но гореть будет ярко и с ванильным ароматом!

Я не смог сдержать улыбки. Нелепость ситуации была через край.

— Хорошо, хорошо. Конфетку принесу.

— Торт! — стал торговаться дракон.

— Обязательно, — тут же согласился я. — Торт. Самый большой и сладкий, какой найду.

— Вот и славно, — удовлетворенно хрюкнул дракон, снова укладываясь. — А теперь к делу. Что ты собираешься делать с этой своей... искрой?

Я помолчал, глядя на темнеющее небо.

— Говорить. Все ей рассказать. Про самозванца, про Пу-стошь, про то, что я не тот, кто ее завалил на экзамене и ха-

мил в зале. Должен же быть хоть один честный поступок в этой всей истории.

Веридор фыркнул.

— Романтик и идеалист. Надеюсь, она треснет тебя мечом по привычке и выбьет эту дурь из твоей кожаной бошки. Ладно, вали уже. И не забудь про торт. И не какой-нибудь с вареньем — я их терпеть не могу. С карамелью. И с орехами. А еще лучше со сгущенкой.

— А не слипнется? — все-таки решил поинтересоваться я.

— За тысячу лет не слиплось, — уверил меня дракон.

Вечером я спешил в библиотеку. Выбрал ее, потому что это было единственное место в академии, где нас не заметили бы. Что-то в этом месте хранило тайны, и, казалось, оно могло уберечь и наши, пока мы бы не придумали, что с ними делать.

Стараясь не привлекать к себе внимания, я нырнул из коридора в коридор, параллельно прокручивая в голове фразы, которые собирался сказать:

“Тьерра, это не был я...”

“Ты должна мне верить...”

“Тот человек на экзамене — самозванец...”

Глупо. Все звучало глупо и неправдоподобно. И выгляде-

но, как верный способ получить мечом по голове.

Немного побродил между стеллажей, пока не заметил ее.

Я уже собирался выйти из укрытия, как вдруг в проходе появился... он. Лже-Кристиан. Тот же камзол, та же походка, то же надменное выражение лица. Но в глазах — холод, которого я в себе не помнил.

Я замер, прижавшись к полке. Смотрел, как он говорит с ней. Видел, как она напрягается, как отстраняется от его прикосновения. И в этот момент я понял: она чувствует разницу. Она знает, что это — не я.

Когда самозванец ушел, я видел, как Тьерра сидит, уставясь в одну точку. Видел, как ее пальцы сжимают перо так, что оно вот-вот сломается. И видел, как она вдруг подняла голову, словно прислушиваясь к чему-то.

Потом она встала. Медленно, почти как во сне, пошла вглубь библиотеки. Не к выходу. К запретному крылу.

— Нет! — крикнул я ей вслед, выскакивая из-за стеллажа, но было уже поздно.

Ее силуэт мелькнул в проеме тяжелой дубовой двери, которая должна была быть на замке, но теперь была приоткрыта. И скрылся в темноте.

Я подбежал к двери, схватился за скобу. Из-за нее тянуло холодом и запахом старой магии, пыли и чего-то еще... чего-то живого и ждущего.

“Отлично, Кристиан. Просто великолепно. Хотел поговорить — а она ушла в самое опасное место во всей академии!”

Я глубоко вздохнул и шагнул в запретное крыло. Тьма сомкнулась за моей спиной. Где-то впереди, в лабиринте забытых знаний и скрытых опасностей, была она. И теперь мне предстояло не только объясниться, но и вытащить ее обратно — желательно целой и невредимой.

Потому что в противном случае не принесенный многовековому дракону торт будет меньшей из моих проблем, если, конечно, мы отсюда вообще выберемся.

Глава 15

Тьерра

Запретное крыло библиотеки встретило меня гробовой тишиной, густой, как смола, и холодом, проникающим сквозь одежду до самых.

Воздух здесь пах не пылью и старой бумагой, а чем-то иным — озоном, влажным камнем и сладковатым, тревожным ароматом спящей магии.

Сводчатый потолок терялся в темноте, а вместо привычных стеллажей стояли массивные дубовые шкафы с дверцами, запертыми на железные замки, покрытые синеватым налетом окиси.

Я шла медленно, прислушиваясь к собственному дыханию, которое казалось неестественно громким в этой давящей тишине. Лёгкое сияние, исходившее от моего собственного защитного поля, отбрасывало на стены прыгающие тени и мне то и дело мерещилось, что они шевелятся независимо от моего движения.

Но тяга была сильнее страха. Невидимая нить, тонкая и настойчивая, вела меня вглубь лабиринта полок и запертых сундуков.

Я почти не думала о странной встрече с Кристианом, о его двусмысленных словах и ледяном прикосновении. Сей-

час это не имело значения. Здесь, в сердце забытых знаний, ждало что-то важное. Что-то что было предназначено только для меня.

Наконец, я оказалась в небольшой круглой комнатке, больше похожей на часовню. В центре на каменном пьедестале лежала одна-единственная книга.

Она была огромной, с обложкой из потемневшей кожи, стянутой тисненными металлическими полосами. Никакого названия. Никаких опознавательных знаков. Только тихое, едва уловимое пульсирующее свечение, исходившее от пожелтевших страниц.

Я подошла ближе. Руки сами потянулись к тяжелому фолианту. В момент, когда пальцы коснулись прохладной кожи переплета, по мне пробежала волна чего-то древнего и безмерно мощного. Воздух завибрировал и замки на дверцах шкафов вокруг слабо звякнули.

Книга открылась без усилия, страницы сами перелистнулись, остановившись посередине. Пергамент был желтым и хрупким, чернила — цвета старой крови. И строки, написанные витиеватым, почти танцующим почерком, мерцали мягким золотым светом, приглашая прочесть.

*“Когда тень сомнения затмит сердце той, что родилась
без крыльев,
И сила ее обратится в цепь, а не в полет,
Путь спасения лежит через то, что не имеет дороги.*

*Пройти должна она лабиринт Безысходности, где стены
сотканы из собственных страхов,*

*И найти в самой глубине Леса Отчаяния то, что счита-
ется утраченным — Источник Радости.*

*Когда принесет она его свет в Дрэдфилд,
Развеет тучи над городом, умирот тени под ним
И обретет силу — не данную при рождении, а предначер-
танную свыше.*

*Тогда она поднимет голову, расправит крылья и станет
свободной”.*

Я застыла, впитывая каждое слово. Сердце бешено коло-
тилось, стуча в висках. “Та, что родилась без крыльев”... Это
же про меня!

Про мою не проснувшуюся драконицу, которую я все же
смогла создать, но которая была лишь тенью настоящей си-
лы.

“Сила обратится в цепь” — разве не цепью были все эти
годы ожидания, сомнения, попытки доказать что-то всем,
кроме себя?

“Обрести силу, предназначенную свыше” — силу, кото-
рую будут уважать не потому, что я дочь Горнела Харташа и
Верховной Ведьмы, а потому, что я — та, что прошла через
невозможное и принесла свет.

Это было предсказание... мое предсказание...

Чувство, охватившее меня, было похоже на опьянение.

Вся боль, унижение, злость последних дней вдруг обрели смысл. Это не было наказанием. Это было испытанием. Шансом. Возможностью совершить нечто великое не “вопреки”, а “помимо” своих родителей. Спасти целый город! Доказать всем... доказать себе...

Я захлопнула книгу и свет погас. Теперь нужно было вернуться отсюда и начать действовать. Мысленно я уже прокладывала маршрут к Лесу Отчаяния, строила планы, как буду проходить через лабиринт.

Но когда я обернулась, чтобы идти назад, то поняла, что не помню, откуда пришла. Круговая комната с единственным входом теперь имела... три арочных прохода, уходящих в непроглядную тьму. И все они выглядели одинаково.

— Прекрасно, — пробормотала я и голос мой безнадежно утонул в тишине.

Я выбрала проход наугад. С первого же шага атмосфера изменилась. Воздух стал тяжелее, холоднее. Тени по стенам зашевелились активнее, будто приглядываясь ко мне. А потом одна из них, длинная и узкая, отделилась от стены и поползла по полу в мою сторону, бесшумно и зловеще.

Я инстинктивно отпрыгнула и тень замерла, словно оценивая. По спине пробежали мурашки. Попыталась применить защитное заклинание, но обнаружила, что моя магия тут не работает.

Я пошла быстрее, но лабиринт, казалось, жил своей жизнью. Проходы разветвлялись, тупики возникали там, где се-

кунду назад был коридор, а знакомые резные орнаменты на стенах вдруг искажались, принимая гротескные, пугающие формы.

Я слышала скрежет камня, шепот, в котором нельзя было разобрать слов, и чувствовала на себе чей-то пристальный, недружелюбный взгляд.

Внезапно из темноты впереди метнулся сгусток черного тумана. Он принял форму длинных, костлявых рук и потянулся ко мне.

Я вскрикнула, по привычке сплетя атакующее заклинание и бросив в его сторону импульс чистой энергии, но он потух быстрее, чем долетел до цели. Туман на миг рассеялся, но тут же начал собираться снова, еще более плотный.

Я отступала, сердце колотилось как бешеное. Руки из тумана уже готовы были схватить меня за плечи...

И в этот момент из бокового прохода метнулась фигура. Быстрая, как вспышка света. Мелькнула сталь — не меч, а скорее короткий клинок, и рассекла черный туман пополам. Туман завизжал — высоко и противно — и рассыпался на тысячи черных пылинок, которые тут же растворились.

Передо мной, слегка сгорбившись и с клинком наготове, стоял Кристиан. Его волосы были растрепаны, на лбу — следы сажи или пыли, а в глазах горело знакомое, острое напряжение, которое я видела, будучи маленькой, когда он отрабатывал сложные приемы. Не было в них ни надменности, ни холодной насмешки. Была лишь концентрация и... бес-

покойство.

Он выпрямился, осмотрел меня быстрым взглядом, будто проверяя на повреждения и затем его губы тронула та самая, едва уловимая, улыбка, в которой было больше облегчения, чем ядовитости.

— А тебе мама с папой не говорили, — произнес он и в его голосе звучала знакомая, чуть хрипловатая интонация, от которой что-то екнуло у меня внутри, — что ходить в запретную секцию библиотеки, особенно в одиночку и без карты — это очень опасно и до безобразия глупо?

— Это у вас, наследных прынцев, такой врожденный талант — эффектно появляться? — не удержалась от ответной колкости я.

Кристиан улыбнулся искренней улыбкой, а в глазах у него заплясали озорные огоньки.

— Эффектность входит в список королевских добродетелей, где-то между умением танцевать менуэт и назначать непопулярные налоги, — гордо взмахнув головой, парировал он, улыбаясь. — А вот отсутствие здравого смысла, судя по всему, в списке добродетелей дочерей генералов стоит на первом месте. Или тебе не приходило в голову, что “запретное крыло” называется так не для красоты?

— Будем это выяснять или все-таки попробуем найти выход? — решив не вестись на эту колкость, спросила я.

— Твоя правда, — кивнул Брэйв и взяв меня за руку, направился куда-то вперед по коридору. — Пошли!

Я уже приготовилась ощутить ту волну ледяного отторжения, что была в библиотеке (хотя, мы и сейчас в библиотеке, по крайней мере, формально), но ее не случилось.

Моя небольшая ладошка чувствовала себя в его огромной руке до безобразия спокойно и уверенно. И это стало сводить меня с ума. Я не понимала, почему я так кардинально по-разному реагирую на одного и того же мужчину и решила, что сейчас самое время разобраться в происходящем.

— Ты же ушел из библиотеки, — начала я, сбавляя шаг, про все еще продолжая идти за Кристианом. — Зачем вернулся?

— Я не уходил, — отозвался наследный принц и отразил очередную атаку костлявых рук, выросших из стены. — Точнее, тот кто ушел — это был не я.

Я резко остановилась и выдернула свою руку из его ладони. Крис повернулся и внимательно посмотрел мне в глаза.

— То есть ты хочешь сказать, что по академии гуляет твой двойник? — скрестив руки на груди, спросила я.

— Именно это я и хочу сказать, — кивнул Кристиан, продолжая держать кинжал наготове.

— Чем докажешь? — не унималась я, хотя внутри себя понимала, что скорее всего он говорит правду.

Брэйв на пару секунд задумался, а потом сказал:

— Твой первый зуб вылез, когда тебе было десять месяцев, — проникновенно заглянув мне в глаза, стал перечислять наследный принц. — Когда тебе было три, ты впервые

решила, что просто обязана уметь летать и сиганула с крыши дома Габриэллы, я тогда едва успел тебя поймать и мы договорились никогда не рассказывать об этом твоему отцу.

Я на миг вздрогнула, потому что память услужливо вытащила это воспоминание из глубин подсознания и погрузила в те эмоции, которые я тогда испытывала.

— В день, когда меня отправили на службу, я подарил тебе зачарованную шкатулку, чтобы ты не плакала, — продолжал беречь мою душу Кристиан. — И пообещал, что через нее мы будем переписываться. В своем первом письме ты рассказала мне, что научилась писать и, конечно же, это продемонстрировала. Твое корявое: “Крестайн я фаскучилас!” — возвращало меня из каждого боя живым.

Огромный комок внезапно актуализированных чувств подкрался к горлу и был готов вырваться наружу в любой момент.

— А в своем последнем письме я сказал тебе, что нам предстоит финальная битва, после которой я вернусь домой, — на выдохе закончил он.

И тут я не смогла сдержать слез.

— В последнем письме, что я нашла в шкатулке, говорилось, что ты погиб! — прошептала я, нервно вытирая со щек слезы.

В один миг меня почему-то покинули все силы. Хотелось кричать, драться, но я как будто снова окунулась в тот момент в лесу, когда вся боль от полученного известия вырва-

лась наружу.

Кристиан, словно почувствовав мое состояние, шагнул ко мне так близко, что мне пришлось поднять голову вверх, чтобы видеть его глаза.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, Тьерра, — нежно, но уверенно беря меня за плечи обеими руками, тихо проговорил Крис. — Я обязательно все тебе расскажу, но сейчас мы должны выбраться отсюда, как можно скорее. Доверься мне, пожалуйста.

Я отвлеклась от его пронизательных голубых глаз и заметила, как вокруг нас начинают сгущаться тени, образуя водоворот. Внутренний голос подсказал, что это явно недобрый знак и оставив свои чувства и признания на потом, я молча кивнула.

Он развернулся, чтобы прорваться сквозь тени, но оказалось уже поздно...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.